

ОТДѢЛЪ III. СКАЗКИ.

А. Орнино.

J o u k s.

Ärä-s a-ščiš vīrca šā-ja i šājā-ūt ulni-št šāja lā-ḡksynḡa. Son
äva či-nā jaka-s vi-rīj, a synet pēksne-nḡā ze-mḡaḡkas. Jaki jaki
vīḡaūt, jā-rēnā fejā, šimī fejā i sy mā-kij kudun i mo-rā ze-
mḡaḡkaūt va-kscā čuva valḡi-jūisa: «Šājālā-ḡkskin moū, koīne-
necken, tyū panḡy-dyja, tyū liši-dyja; mon tyḡk āva-ḡk. Vī-rca
u-liiū, jarcy-n ti-kšidā mīnūḡu-nyn tosa-, šī-miū vē-ffā mon
čudīki-lkskista, čudā lofcēnem oda-rnyvam, oda-rnystyūt kopō-
tazyn, kopō-tastyūt o-čkeñes, očkeñe-stēnt ma-styrun». Lišēt

Сказка.

Жила была въ лѣсу коза, и у козы были козлята. Она каж-
дый день ходила въ лѣсъ, а ихъ запирала въ землянку. Ходить
ходить по лѣсу, поѣсть, попить и возвращается обратно домой
и поетъ около землянки тонкимъ голоскомъ: «Козляточки мои,
кормильцы мои, вы отоприте-ка, вы выходите-ка; я ваша мать.
Я была въ лѣсу, поѣла травы, пила я воды изъ ручейка, течетъ
молочко мое по вымячку, съ вымячка на копыто, съ копыта въ
корытце, съ корытца на землю». Вышли козлята, высосали мо-

šä-jäläuksnä, po-tež lofcéne-nza i suva-št mä-kij. Pé-ksténžä i me-rä: «Vady, ilä-dy pančt, vārgi-z ilä-dž maña». — «Apa-n-čtana, a-vaj». Šäjäs tuš mäki-j vīri-j, a vārgi-z maři-zä mo-ramsta. Sas soñdēdenza mä-jlā i karma-s to-ža mora-ma šāja-ks, nu ä-čki valgi-jsa, i-štaža: «Šäjäläukskin moñ, kořme-ñecken, tyñ liši-dyja, tyñ panžy-dyja. Mon tyḡk avaḡk. Vi-řca ulñi-ñ». A šä-jälä-uksnä to-sta pižñi-t tä-nza: «Kēnge-lat ton, miñi-k ava-ñ avy-I išta-ma valgi-jza; miñi-k ava-ñ valgi-jza ču-viñä, ma-zyjñä, a toñ ä-čkä dy ama-zyj». Tuš vā-rgizys, mele-zenza pek apa-ra. Saji-zä kežēnpačk i čovafyžä točela-sa kele-nza čuvñi-sta i sas mākij šājä-läuksnyñiñ i karma-s taga-mora-ma ču-viñista: «Šäjä-läukskin moñ, kořme-ñecken, tyñ lišidyja, tyñ panžy-dyja, mon tyḡk ava-ḡk, vi-řca u-lñiñ, ja-rcyñ ti-kšñidä miñiñžu-nyñ tosa, šimiñ vāffä mon čudikilkskista, čudī lo-fcéneñ oda-rnyvam, odarnystyñt kopō-tazyn, kopōta-styñt o-čkeñes, očkeñe-stēnt ma-styru». Šäjäläuksnä duma-št i praḡdyj, šty ava-st, kāḡkšñt pa-n-

лочко и вошли назадъ. Она заперла ихъ и говоритъ: «Смотрите, не отпирайте, не обманулъ-бы васъ волкъ». — «Не отопремъ, матушка». Коза пошла назадъ въ лѣсъ, а волкъ услышалъ, какъ она плѣла. Пришелъ послѣ нея и сталъ тоже пѣть по козлиному, но грубымъ голосомъ, такимъ-же образомъ: «Козляточки мои, кормильцы мои, вы выходите-ка, вы отоприте-ка. Я ваша мать. Я была въ лѣсу». А козлята оттуда кричатъ ему: «Обманываешь ты, у нашей матеря не такой голосъ; у нашей матеря голосъ тоненькій, красивенькій, а у тебя грубый и некрасивый». Ушелъ волкъ, ему очень не по нраву. Взялъ въ сердцахъ и поострилъ на точилѣ свой языкъ очень тонко и пришелъ назадъ къ козлятамъ и началъ опять пѣть тонкимъ голосомъ: «Козляточки мои, кормильцы мои, вы выходите-ка, вы отоприте-ка, я ваша мать, я гуляла по лѣсу, я плѣла тамъ всякія травки, пила воду я изъ ручейка, течетъ молочко мое по вымячку, съ вымячка на копыто, съ копыта въ корытце, съ корытца на землю». Козлята подумали, что и вправду

žyž i ardy·t zemļa·ŋkastynt. Še ška·nā vārgi·zyš vāsi i poŋše·n-
žā. Šājā·s saš, mora·s mora·s, šājālā·ŋksynža āst lišt. Son fatā·š:
vanyk, vārgi·z po·ŋšeŋžā i ura·kač. Kady·žā vīri·nt i tuš vāli·j
āfa·ma. Nejga·k ārā. ʒoza·jinynga ke·ca.

Joŋks.

Ārit ašcit ata·t ba·bat. Ata·n babaŋ a ājdī·st a kakšyst. Tuš
ati·niš oze·m vīdī·mā. Moļc vīr jutks, karma·s soka·ma, moļc
tānzy oftē·nā. «Mon, ģeļā, ata, a·lašat sāusa·». Son mēri tānza:
«uzy, vāšā uma·m sokasa». Oftēneš mač krاندaza·luŋ, učā, žardy
uma·s soka·vā. Rīviški moļc. Kāŋksnā a·tiniŋt: «Atinā, a jatīnā,
oftēneš āzi·k nek?» A oftēneš mēā atiniŋti: «neft, āzi·nā nek?»
A rīviškiš mēā: «Krandazyt ala māzā?» Atiniš mēā: «palc
peŋka». Rīviškiš mēā: «palc peŋka ulivildarak, krاندajs

это ихъ мать, отперли дверь и скачутъ изъ землянки. Въ то время
волкъ всѣхъ ихъ и подушилъ. Пришла коза, пѣла, пѣла, козлята
ей не вышли. Она догадалась: видно, волкъ ихъ подушилъ, и
разрыдалась. Она оставила лѣсъ и пошла жить въ деревню. И
теперь она живетъ у своего хозяина.

Сказка.

Живутъ поживаютъ старикъ и старуха. У старика и старухи
не было дѣтей. Поѣхалъ старичекъ сѣять озимъ. Пріѣхалъ на
поляну, началъ пахать, подошелъ къ нему медвѣдикъ. «Я, гово-
рить, старикъ, съѣмъ твою лошадь». Онъ говоритъ ему: «подожди,
сначала вспашу свой загонъ». Медвѣдикъ легъ подъ телѣгу, ждетъ,
когда вспашется загонъ. Пришла лисичка. Спрашиваетъ старичка:
«старичекъ, а старичекъ, не видѣлъ-ли ты медвѣдика?» А мед-
вѣдикъ говоритъ старичку: «скажи, не видѣлъ». А лисичка гово-
ритъ: «что подъ твоей телѣгой?» Старичекъ говоритъ: «обгорѣ-
лый пелѣкъ». Лисичка говоритъ: «если-бы это былъ обгорѣлый

kāpi·dīvīk». A oftēnēs mēřā a·tīnīnti: «Kāpi·dimak ena». Kāpidizā atīnīs i piksty šulmy·šizā. Rīvi·škiš tagy·molč, tagy kākšsni a·tīnīnt ājsa: «Atinā a jatīnā, oftēneē āzi·k nek?» — «Ara·š». — «A krاندajsyt mēzā?» — «Palč pēnka». — «Palč pēnka ulivildarak, uzir ājsy·nza čapy·dīf u·līvil». Oftēnēs mēřā: «čapy·t ena, čapy·t». Nu čapy·č uzir ājzy·nza. Oftēnēs kuly·š. Rīviškiš molč atīnīntij taga. «Nu, nej, mēři, atinā, koda pary·m banca·k?» — «Vot panca·», atīnīs mēřā, «san uma·nt varča·ma, narvicka tuja·n tāt čipakaņi·k». Molč kudun a·tīnīs. Tonš tuža kiška mē·šeks. Uskižā tanza rīvi·škiñti. Rīviškiš molč. «Tuji, mēři, tāt narvi·čka?» — «Tuji·n, mēřā, ona mēšē·ksa». Rīviškiš karma·š jukšima·nza. Kiškaš koda napystā rīvižiñt mālga. Rīvijs ardā·nora·zynza, a kiškaš mālga·nza. Rīvijs kāni·rč norañti suva·ma, a kiškaš oza·š nora·nt krajs. Rīvižiš kākšsni šālminza ājsa:

пенёкъ, ты поднялъ-бы его въ телёгу». А медвѣдикъ говоритъ старичку: «Такъ подними». Старичекъ поднялъ его и завязал веревкой. Лисичка опять пришла, опять спрашиваетъ старичка: «Старичекъ, а старичекъ, видѣлъ-ли ты медвѣдика?» — «Нѣтъ». — «А что въ твоей телёгѣ?» — «Обгорѣлый пенёкъ». — «Если-бы это былъ обгорѣлый пенёкъ, въ него былъ-бы воткнуть топоръ». Медвѣдикъ говоритъ: «Такъ воткни, воткни». Ну, воткнулъ въ него топоръ. Медвѣдикъ околѣлъ. Лисичка опять приходитъ къ старичку. «Ну, теперь, говоритъ, старичекъ, какъ ты заплатишь за мой добрый поступокъ?» — «Вотъ заплачу», отвѣчаетъ старикъ, «приду осматривать загонъ, принесу тебѣ насѣдку съ цыплятами». Приселъ старичекъ домой. Всунулъ въ мѣшокъ желтую собаку. Привезъ этой лисичкѣ. Лисичка пришла. «Принесъ-ли ты мнѣ, спрашиваетъ, насѣдку?» — «Привезъ, говоритъ, вонъ въ мѣшокъ». Лисичка начала его развязывать. Собака какъ пустится за лисцей. Лисица скачетъ въ свою нору, а собака за нею. Лисица успѣла зайти въ нору, а собака сѣла у края норы. Лисица спрашиваетъ у своихъ глазъ: «Глазки мои, матушки, какъ вы смотрѣли»

«Šālmīnīn matu-škiñīn, koda tyñ vany-ďä?» Šālmī-tnā mēret: «Vany-ñik jala, koda by a prams». — «Šeñgis tãŋk raman šālmuk-ñit. Majli kãŋksñi pilgĩnza ajsa: «Pilgi-ñin matuški-ñin, tyñ goda oznēďä?» — «Mīn oznē-ñek, koda by šedi bojkasta ardym dy kiška-ñti apo-ŋgoms». — «Tyñďãŋk rama-n šeñgi-s kemñe-ť». — «A ton, buly-ñin, matuškiñin, koda oznē-ť?» — «Mon jala oznē-ñ, koda by pilgit troks poŋgoms i ton brapli-ť ba, i kiškaš säu-ŋlĩn-ñit ba». Son zajižã pulyñt řivĩ-škiš, norava-ñt toŋgežã ušu-ŋ i mēřã: «na-, kuta, sävi-k». Son duma-š, araš tosa kiškaš. A kiškaš kundy-žã puly-ďa i targi-žã řivĩ-žinť kak. Sävi-žã.

(Записано отъ Т. Учуськиной).

Joŋks.

Ärit aščit oftēñã dy řivĩškã. Oftēñes sala-š mēď baññã, kudy potmarc putyžã. Řivĩškã mukšny-žã. Kušć řeckalaŋks řivĩškã,

Глаза говорятъ: «Мы все смотрѣли, какъ бы не упасть». — «По этой причинѣ я куплю вамъ очечки». Потомъ она спрашиваетъ у ногъ: «Ножки мои, матушки, какъ вы молились?» — «Мы молились, какъ бы возможно скорѣе ускакать и не попасться собакамъ». — «Вамъ я по этой причинѣ куплю сапожки». — «А ты, хвостикъ мой, матушка моя, какъ молился?». — «Я все молился, какъ бы попасть между твоихъ ногъ и ты бы упалъ, и собака съѣла бы тебя». Лисичка взяла хвостъ, высунула наружу изъ норы и говоритъ: «на, кутя, съѣшь». Она думала, что тамъ нѣтъ собаки. А собака схватила ее за хвостъ и вытащила и лисицу. Съѣла ее.

Сказка.

Живутъ поживаютъ медвѣдь и лисичка. Медвѣдь укралъ кадушечку меду и поставилъ ее на подволоку. Лисичка нашла. Влѣзла лисичка на печку, свой хвостъ она просунула въ верхнее окно; ударяетъ

pulyŋza véř valmava toŋgezä; valma-nít stukä. puly-syñt. Soné kortä: «Rívíškä, a rívíškä, ada babuškaks». Soné tagy otvéčt: «ofté-nä a meřä». Ofténeš meřä: «mā-št zdra kortat? Äli mon ġiřta-n, stu-paj». Rívíškiš kārās kšypäčt i tuš. Molé kudypot-mare, kušé. Karmaš máttinít jarca-ma. Peškeč páki-za, valé māki-j. Ofténeš kākšni. ä-jsyŋza: «koda äjdīrk lāmiza?» — «Ušytkškä», ři-vižiš me-řä. Nu ašči-s ala-mys, vačé tagy páki-za. Kušé tagy pečkalarķks, toŋgezä véřvalmava puly-ŋza i kortä. taga: «rívíškä, rívíškä, ada babuškaks». — «Ofténi a meřä». A ofténeš meřä: «māšt kālīt šādī-řt fājnat; stu-paj äli mon ġiřta-n?» Rívíškiš meřä: «čavy-n ġett višks molema. Kārā-s kšy i tuš taga. Molé, jarca-s taga i saš māki-ŋ. Ofténeš kākšni äjsyŋza: «koda äjdīrk lā-miza?» A rívíškiš otvéčt: «kuni-kavítkškä». Nu, aščiš fājš, tagy vačé páki-za, tagy kušé pečkalarķks, toŋgezä véřvalmava pulynza i stuki. valma-nít taga: «Rívíškä, a rívíškä, ada babuškaks». — «Ofténi a meřä». Ofténeš

въ окошко хвостомъ. Сама говорить: «Лисичка, а лисичка, иди въ бабушки». Сама опять отвѣчаетъ: «медвѣдь не велитъ». Медвѣдь говорить: «что зря говоришь? Или я держу, ступай». Лисичка отрѣзала кусокъ хлѣба и пошла. Пришла на подволоку, влѣзла. Начала ѣсть мѣдъ. Наѣлась, слѣзла назадъ. Медвѣдь спрашиваетъ ее: «какъ имя вашего ребенка?» — «Начаточка», отвѣчаетъ лисичка. Ну, побыла немного, опять проголодалась. Влѣзла опять на печку, просунула свой хвостъ въ верхнее окно и опять говоритъ «лисичка, лисичка, иди въ бабушки». — «Медвѣдь не велитъ». — А медвѣдь говорить: «что ты ломаешься? Ступай, или я тебѣ держу?» Лисичка говорить: «съ пустыми руками стыдно пойти». Отрѣзала хлѣба и опять ушла. Пошла опять, поѣла и пришла назадъ. Медвѣдь спрашиваетъ ее: «какъ имя вашего ребенка?» А лисичка отвѣчаетъ: «Середочка». Ну, побыла немного, опять проголодалась, опять влѣзла на печку, просунула свой хвостъ въ верхнее окно и опять ударяетъ въ окошко: «Лисичка, лисичка, иди въ бабушки». — «Медвѣдь не велитъ». Медвѣдь

mērā: «māst kāl't sā·dīxt tājnat? Ālā mon ġiftan? Aza·». Rīviskiš mērā: «čavyn ġett vīskš mōlems». Kārās tagy· kšypāčt i tuš taga. Mōlē, ostatkiņint sāvizā, parni·nt šlizi nardyžā, kārlaṅks koma··tṭyžā. Sās tagy kudu·u. Oftēneš kāṅksnā ājsy·nza: «koda ajdīṅk lām?» — «Šlaṅkski nardauṅskā, kārlaṅks komastuṅksā». Oftēneš mērā: «rīviskā a rīviskā, moñ māžim tag' ulā·!» Rīviskiš kāṅksnā ājsynza: «oftēnā, māžit?» — «Moñ mād' barñim ulā?» — «A·ži tñi·k». Mōlē čavy parni·š. Valkš tosta. «E, rīviskā, ton jala mēret habušaks, a ton, vanyk, mādint sāvims jakšit». Nu rīviskiš božā vīrā, mērā: «ara·š». Oftēneš mērā: «dava·j, vot kodama božba·ajda·na: pečka·nt ušcy·nik i ara·tana gajģi pečkañt karča. Kona· mādvačt sā·rñā?» Arašt pečkañt ka·rča. Oftēneš aščiš aščiš, ma·tidīṅš. Rīvi·skiš sārnī·š mādvačt. Saji·nžā, oftēnt aluṅ tolka·dīnžā. Štaftyžā oftēneñt: «Ata· jaly ġrešē·t moñ laṅks. A

ворить: «что ты ломаешься? Или я тебя держу? Ступай». Лисичка говорить: «съ пустыми руками стыдно пойти». Опять отрёзала кусок хлеба и опять ушла. Пошла, съела остаточекъ, вымыла и вытерла кадучечку и опрокинула ее на лубокъ. Пришла опять домой. Медвѣдь спрашиваетъ ее: «какъ имя вашего ребенка?» — «Вымытый, вытертый, на лубокъ опрокинутый». Медвѣдь говоритъ: «Лисичка, а лисичка, что-то у меня опять имѣется!» Лисичка спрашиваетъ его: «медвѣдь, что у тебя?» — «У меня есть кадучечка меду». — «Ступай принеси». Пошелъ — кадучечка пустая. Сѣлъ оттуда. «Э, лисичка, ты все говорила (что хондшь) въ бабушки, а ты, видно, ходила ѣсть мѣдъ». Ну, лисичка божится, кшшетя, говорить: «нѣтъ». Медвѣдь говоритъ: «давай, вотъ кадучю мы устроимъ божбу: выгонимъ печку и станемъ противъ дымящей печки. Кто испражнится медовыми испражненіями?» Стали противъ печки. Медвѣдь постоялъ, постоялъ, заснулъ. Лисичка испражнилась медовыми испражненіями. Взяла ихъ и подтолкнула подъ медвѣдя. Испражненія медвѣдя взяла подъ самое себѣ. Разбудила медвѣдя: «Вотъ, все грѣшилъ на меня. А ты,

ton, nesak, toné sāvík». Oŧtēnéš mērá: «prosta·mak, āzi·n fa·
jak, kona škañā sā·vínā». I karma·št māki·ñ vā·χca āfa·ma. I
nejgak āfi·t.

(Записано отъ Т. Учуськиной).

Joys.

Nuťt — nuťt, ā·rāšt a·ščišt a·fat ba·bat,

Nuťt — nuťt, u·lñišt a·tñ ba·bañ kändā páki tāχtñiñist,

Nuťt — nuťt, nudij pi·lgi čo·rēnest,

Nuťt — nuťt, šija ro·ga ska·lnyst,

Nuťt — nuťt, va·ci pu·la bu·kiñist,

Nuťt — nuťt, žēfda langa sa·raskist,

Nuťt — nuťt, lej be·re·ksa u·tkiñist,

Nuťt — nuťt, tušt lej la·ngun ā·jdīst na·lkšínā.

Čorēnéš ky·rñafé, šiñs nu·dij pi·lgiza, a tāχtñiñis praš, šexej

видишь, самъ съѣлъ». Медвѣдь говорить: «прости меня, я не
замѣтилъ, въ какое время я съѣлъ». И стали опять вмѣстѣ жить.
И теперь также живутъ.

Сказка.

— — жили были старикъ и старуха,

— — была у старика и старухи дочка съ войлочнымъ животомъ,

— — сыночекъ у нихъ съ тростянными ногами,

— — коровка у нихъ съ серебряными рогами,

— — бычокъ у нихъ съ измараннымъ въ г. . . хвостомъ,

— — курочекъ у нихъ жердь

— — уточки у нихъ на берегу рѣки,

— — дѣти ихъ пошли играть на рѣку.

Мальчикъ прыгнулъ, сломалъ свою тростяную ногу, а дочка

kāndipā·kiza. Kaduṣṭ ata·tñā babatñā ska·myst. Āri·t ka·vyūnist,
saś vā, saś tāst o·fta i karma·ś morāma:

Nuṭ — nuṭ, ā·rit a·šcit a·tat babat,
Nuṭ — nuṭ, ulūis śija roga skalnyst,
Nuṭ — nuṭ, vači pula bu·kiñist,
Nuṭ — nuṭ, žērda la·ṅga sa·raskist,
Nuṭ — nuṭ, lej be·re·ksa u·tkiñist.

Atās i mēā babañi: «Vanta, baba·, koda pa·rētā morcā.
Dava·j utkiñi·tñiñ ma·sēyñik tñnza». Ma·ksyz tñnza. O·ftēs sā·
vññā u·tkatñiñ i tuś. Saś o·mbočā vā. O·ftē·ś taga saś, taga morcā:

Nuṭ — nuṭ, ārit ašcit atat babat,
Nuṭ — nuṭ, ulūis śija roga skalnyst,
Nuṭ — nuṭ, vači pu·la bukiñist,
Nuṭ — nuṭ, žērda laṅga saraskist.

упала, разорвала свой войлочный животъ. Остались одни—старикъ
и старуха. Живутъ вдвоемъ, пришла ночь, пришелъ къ нимъ
медвѣдь и началъ пѣть:

— — живутъ-поживаютъ старикъ и старуха,
— — была у нихъ коровка съ серебряными рогами,
— — бычокъ у нихъ съ грязнымъ хвостомъ,
— — курочекъ у нихъ жердь,
— — уточки у нихъ на берегу рѣки.

Старикъ и говоритъ старухѣ: «Посмотри-ка, старуха, какъ
онъ хорошо попѣваетъ. Давай, отдадимъ ему уточки». Отдали
ему. Медвѣдь съѣлъ уточки и ушелъ. Пришла другая ночь. Мед-
вѣдь опять пришелъ, опять попѣваетъ:

— — живутъ-поживаютъ старикъ и старуха,
— — была у нихъ коровка съ серебряными рогами
— — бычокъ у нихъ съ грязнымъ хвостомъ,
— — курочекъ у нихъ жердь.

Atä-ś i dumä: «Mäšt nej tä-jüitana, baba-? Davaj, nat, sa-raznyü ma-kseyñik». Sajiž, ma-ksyž. Oftë-ś sä-vínžä, tuš. Sai o-mbočä vä. Oftë-ś tagy saš i karma-ś tagy mora-ma.

Nuřt — nuřt, ärit aščit atat babat,

Nuřt — nuřt, ulñiś šija roga skalnyst,

Nuřt — nuřt, vači pula bukiñist.

Atäs i babaš dumiť: «Mäšt nej täjüi-fana, baba-? Davaj, ama-kstana». A oftëš tosty i meřä: «Mäks moramga ama-kstada. A-ty suvan, ty-ñeñik säñdadyž». Sa-již vači puly bu-kiñiñ, ma-ksyž. Oftë-ś sä-vizä. I taga tuš. Čokšneš tagy saš. Oftëš tagy saš, karmaš mora-ma:

Nuřt — nuřt, ärit aščit atat babat,

Nuřt — nuřt, ulñiś šija roga skalnyst.

Старикъ и думаетъ: «Что мы теперь сдѣлаемъ, старуха? Давай, видно, курочекъ отдадимъ». Взяли, отдали. Медвѣдь съѣлъ ихъ, ушелъ. Настала другая ночь. Медвѣдь пришелъ опять и сталъ опять пѣть.

— — живутъ-поживаютъ старикъ и старуха,

— — была у нихъ коровка съ серебряными рогами,

— — бычокъ у нихъ съ грязнымъ хвостомъ.

Старикъ и старуха думаютъ: «Что мы будемъ теперь дѣлать, старуха? Давай, не дадимъ». А медвѣдь оттуда и говоритъ: «От чего вы не отдаете по моей пѣснѣ? А то войду, васъ самихъ съѣмъ». Взяли бычка съ грязнымъ хвостомъ, отдали. Медвѣдь съѣлъ его. И опять ушелъ. Пришелъ опять вечеръ. Медвѣдь пришелъ опять, началъ пѣть:

— — живутъ-поживаютъ старикъ и старуха,

— — была у нихъ коровка съ серебряными рогами.

Sajiz, maksyz džengak. Sävizä teŋga·k o·ftēs. Tagy tuś vīri·ŋ.
Čokšne·ś saś, oftēs tagy molē i karma·ś morama:

Nuřt nuřt, ārašt aščišt atat babat,
Nuřt nuřt, ulništ kändi paki faχtiŋišt,
Nuřt nuřt, nuđij pilgi čorēnest,
Nuřt nuřt, šija roga ska·lnyst,
Nuřt nuřt, vači puly bukiŋišt,
Nuřt nuřt, žērda langa saraskist,
Nuřt nuřt, lej beře·ksa utkiŋišt.

«Mä·zi nej, baba·, maksta·na fänza sävims?» Afä·ś meřä: «toŋ
maksta·n»; a baba·ś meřä: «toŋ maksta·n». Kuśčt pečkalaŋks,
ta·lnyt. O·ftēs učys učys, su·vaś. Afä·ś baba·ŋt koda·k pečka·
la·ŋksta gro·χadižä, a baba·ś kunda·ś atäŋt prä·kec i prašt
ka·uŋišt. Oftēs sävi·ŋžä ka·uŋišt i tuś.

Взяли, отдали и эту. Съелъ и эту медвѣдь. Опять пошелъ въ
лѣсъ. Пришелъ вечеръ, медвѣдь пришелъ опять и началъ пѣть:

— — жили были старикъ и старуха,
— — была у нихъ дочка съ войлочнымъ животомъ,
— — сыночекъ у нихъ съ тростяными ногами,
— — коровка у нихъ съ серебряными рогами,
— — бычокъ у нихъ съ грязнымъ хвостомъ,
— — курочекъ у нихъ жердь ¹⁾.
— — уточки у нихъ на берегу рѣки.

«Что теперь, старуха, мы дадимъ ему съѣсть?» говоритъ ста-
рикъ; «отдамъ тебя»; а старуха говорить: «я тебя отдамъ». Влѣзли
на печку, спорять. Медвѣдь ждалъ ждалъ, вошелъ. Старикъ какъ
бросить старуху съ печки, а старуха схватила старика за косы
(волосы), и упали они оба. Медвѣдь съѣлъ ихъ обоихъ и ушелъ.

1) Т. е. столько, сколько помѣстится на жердь.

Jouks.

Ärä-št a-ščišt ata-t baba-t. Atä-n ba-baú ulüi-s éo-réneza i tä-žtirüiza. Äräšt äräšt, baba-s ku-lyš. Äžni i väši-t tätä-nt keeta oda-va». «Täta-j, sažt oda-va, täta-j, sažt oda-va». — «Ež, ä-jü-nim, saja-n da mele-zenjk avyl par' u-la». — «Pa-ra! sažto. Vot sajs atä-s oda-va, karma-št ära-ma. Äräšt äräšt, ava-s i meš ätä-nti. «Azä, durak, a-ta, juma-ftyt ä-jdit. Še-sta karma-n maryt ära-ma. A bi-da ajumafcyt, aka-rman». Atä-s saji-ňžä äjdi-nga i tuš vüriü mary-st. Uski-ňžä vürc. Muš pa-ra po-lana, ja-gydat la-ma. «Nu, äjdüüü, kočka-da tesk». Maksé täst pa-rüüüü. «mon tuja-n o-na še-zen. O-na še-sa karma-n vüri-n kära-ma». Tu i šulmä-s čufe že-rda lä-ŋgi vä-lä. Varma-s puvä, a žerda čufty-nti ja-la gajk gajk, gajk gajk. Syn kočke-t ja-gydat i dmi-t, šty še-sa täta-st kää-päjk. Kočka-št kočka-št, čizy-čo-

Сказка.

Жили были старикъ и старуха. У старика и старухи был сыночек и дочка. Жили жили, старуха померла. Дѣти и проситъ у отца мачехи. «Тятя, возьми мачеху, тятя, возьми мачеху?» — «Эхъ, дитятки мои, возьму, да вамъ она будетъ не по праву». — «Будетъ хороша! Возьми». Вотъ старикъ взялъ мачеху, началъ жить. Жили жили, мать и говорить старику. «Иди, дуракъ, старикъ, погуби своихъ дѣтей. Тогда стану съ тобой жить. А если не погубишь, не стану». Старикъ взялъ своихъ дѣтей и пошелъ с ними въ лѣсъ. Привезъ ихъ въ лѣсъ. Нашелъ красивую поляну много ягодъ. «Ну, дитятки мои, собирайте здѣсь». Дальше жужжиночки. «А я пойду вонъ туда. Вонъ тамъ начну рубить лѣсъ». Пошелъ и привязалъ къ дереву жердь за лыко. Вѣтеръ дуетъ, а жердь по дереву все стукъ, стукъ, стукъ, стукъ. Они собираютъ ягоды и думаютъ, что тамъ рубить ихъ отецъ дрова. Собира-

póc. Syn dúst táfasty; molét. Molét sezén, táfa-st ara-ś. Śesa-
a-ńčík žè-rđas śu-lmaf. Syn fafäst, šty táfa-st kady-ńžä i tušt vír-
ga-ńtranyž čijńi-mä. Čijšt čijšt, mušt ku-dyńä; sua-št kudyńińti,
sua-št — kija-k ara-ś. «Dava-j tesk ma-ťfana», pafä-ś me-fä.
«Dava-j, me-fi bra-fiškaś. Maćt. Vany-t, sua-ś ja-ga ba-ba. «A,
ajdńiń, tyń ko-sta sy-dä?» — «Vírcta, baba-j; táfanyk ka-
dy-miž». — «Nu, äfa-da moń ge-ca». I syn karmašt äfa-ma.
Baba-ś sa-jizä čo-réneńt i kaji-žä a-ndumas i andä-ä-synza
peščen toğda. Andä-ä-synza či, kafta i ko-lma. Pafa-za
muś čokańžura i maksy-žä brati-škancty. «Na, bratki-m,
žar-da jagaba-baś mefä, daj surny-t va-rčasa, ton že-sta čokań-
žu-ryńt ma-ksyk tänga va-favanť. Ka-dyk va-rčasy». Saś baba-ś.
«Čo-ram, daj-ka surny-t, va-rčasa, kuji-t äf äzi-t». — «Na, ba-
ba-j, i jokstè-žä kurgy-zynza čokańžu-ryńt. Su-skižä baba-ś —
ka-lgyda i noldè-žä mäkij. «Ara-ś, čora-m, beřäńcta spra-vit. Nat

собирали, день смеркся. Они пошли къ отцу; пришли. Пришли
туда, отца ихъ тамъ нѣтъ. Тамъ привязана только жердь. Они
поняли, что отецъ ихъ оставилъ, и пошли бѣгать по лѣсу съ пла-
чемъ. Бѣгали бѣгали, нашли домикъ, вошли въ домикъ, вошли—
нѣтъ никого. «Давай ляжемъ здѣсь», говоритъ сестра. «Давай»,
говоритъ братишка. Легли. Смотрятъ, вошла баба-яга. «А дѣтки
мои, вы откуда пришли?» — «Изъ лѣсу, бабушка; насъ оставилъ
отецъ нашъ». — «Ну, живите у меня». И они стали жить. Старуха
нашла мальчика и бросила его въ кормъ, кормить его зернами отъ
орѣховъ, кормить его день, два и три. Сестра нашла кочедыкъ
изъ лоптей и дала его братишкѣ. «На, братецъ, когда баба-яга
скажетъ, дай я попробую твой пальчикъ, ты тогда дай ей коче-
дыкъ въ щелку. Пусть попробуетъ». Пришла старуха. «Сынъ
мой, дай-ка свой пальчикъ, попробую, пожирѣлъ ты или нѣтъ». —
«На, бабушка»; и сунулъ ей въ ротъ кочедыкъ. Старуха уку-
сила — жесткій, и выпустила назадъ. «Нѣтъ, сынъ мой, ты
плохо поправился. Должно быть, плохо ѣлъ. Ты ѣшь побольше.

beřáncta jarcy·t. Ton jarca·k šedī pek. Mon andan äjsyt pa·rečā.
— «Jarca·n, jarca·n, baba·j». «Jarca·t da beřā·ńcta mākš bi·dā
sprava·t». I karma·ś äsy·nga taga· andu·ma. Karma·ś andu·ma
vāłks mařta toŭda. Ané kařta ko·lmy či i tagy me·řā: «Daj·ka,
ćora·m, sury·t varča·sa». Son ta·ga jokstē·žā kurgy·zynga ćokań·
žu·ryńt. Varči·žā — taga· ka·lgyda. Ta·gy ka·dyžā. Saš i kolmo·
ćedā. «Daj·ka, ćora·m, varča·sa nej surny·t». Še kapša·myń pačk
ćokańžuryńt äšā muk. Čara·ś čara·ś, maksy·žā su·rynza. Koda·k
su·skižā, nūćik·ćorčk molé. «E, ćora·m, dy ton pek kujit. Nu,
nej řišt tej, koda· išta· ton mańči·mīk». I karma·ś jagababa·i
pečka·ń uštū·ma. Uštū·žā pek, a pačā·ś i me·ři bra·řiškańti sa·
lava. «Va, brařki·m, kyda ka·rmā kojmlaņks oza·ftumyt, ton
išta· i išta· práť kaji·k, by·ta ama·řtat ara·ma. I meřt tā·nža
«Ba·baj, mon ama·řtan. Ara·ka tońé, ne·řćeka koda. Še·sta moř
ga·k išta· ara·n, koda· ton mońdāń neřca·k». Vot, baba·ś puty·dā

И кормлю тебя хорошо». — «Кушаю, кушаю, бабунка». — «Кушаешь, да плохо что-то ты поправляешься». И начала она его опять кормить. Начала кормить зернами вместе со сливками. Кормила два три дня и опять спрашивает: «Дайка, сынь мой, я попробую твой палец». Онъ опять сунулъ ей въ ротъ козедыкъ. Попробовала опять — жесткій. Опять оставила его. Пришла и въ третій разъ. «Дай-ка, сынь мой, я попробую теперь твой пальчикъ». Этотъ въ торопяхъ не пашелъ кочедыка. Вертѣлся, вертѣлся, далъ свой палецъ. Какъ укусила, хрустнулъ. «Э, сынь мой, да ты очень ожирѣлъ. Ну, теперь выходи сюда, какъ ты меня такъ обманывалъ». И начала баба-яга топить печку. Истопила сильно, а сестра и говорить потихоньку брату: «Смотри, братецъ мой, какъ она начнетъ тебя сажать на лопату ты и такъ и такъ кидайся, будто не умѣешь уместиться. И скажи ей: «бабушка, я не умѣю. Стань-ка сама, покажи-ка какъ. Тогда и я такъ стану, какъ ты мнѣ покажешь». Вотъ старуха поставила

ko-jhēnza i mēā: «Nu ka, čora-m, matť kojmeńť laŋks pa-řetā. Čora-s i ištā i ištā pranza kajsi-sy, prok tarka-za a la-dā, prok vo-ŋši ama-štā madī-mā. «Da ton matť pa-řetā, čora-m». — «Ama-šan, baba-j. Ne-řteka tońć koda. Šesta moŋga-k ma-dan. I-štā mađa-n, koda ton nefca-k». Baba-s i mēā: «Nu, kiřť kojmeńā-ńť, mon mađa-n». Mać baba-s. I ištā kiřnića-ŋs, prosta taji-ŋs ki-ři-diks. Tāŋfi-řniś koda-k saji-zā ko-jmeńť, koda-k a-řkstyžā pe-č-kańť, za-sloněńť pu-tyžā i kšniń kočérga-nga ná-židižā. Še to-sa a-ńčik ku-řčińā karma-s: «Do-čam, do-čam, no-ldamak; valma řta-sa šijāń su-rkskim ulā. Šeń tońāt ma-kseca». — «Ja, syřā ře-dma, še ištā kak mo-ń ulā». — «Ājdniń, no-ldemež. Valmańti ala moda po-ca zo-ločyny tabaki-rkam ulā, šeńga-k tyńā-ŋk ma-kseca». — «Ja, syři ředma, se ištā ka-k mińi-k ulā». — «Ko-ř-meńečken, no-ldemež: kāŋkš po-róg ala zolota ku-kšinym ulā. Šeńga-k tyńdāŋk makseca». — «Ha, še ištā ka-k mińi-k ulā. Sa-již tabaki-rkańť i zolota-kukšinyńť i tušť. Molět molět, fa-tāšť:

свою лопату и говорить: «Ну-ка, сынъ мой, ложись хорошенько да лопату». Мальчикъ кидается и такъ и такъ, словномѣсто не подходитъ, словно вовсе не умѣетъ лечь. «Да ты ложись хорошенько, мой сынъ». — «Не умѣю, бабушка. Покажи-ка ты сама какъ. Тогда и я лягу. Лягу такъ, какъ ты покажешь». Старуха и говорить: «Ну, держи ручку лопаты, я лягу». Легла старуха. И такъ она съѣжилась, просто сдѣлалась клубочкомъ. Какъ схватила дѣвуха лопату, какъ швырнула ее въ печку, поставила заслонъ и подперла его желѣзною кочергой. Та начала тамъ только стонать: «Дочка моя, дочка моя, отпусти меня: подъ окномъ у меня есть серебряное колечко. Я дамъ его тебѣ.» — «А, старая вѣдьма, ово и такъ будетъ моимъ.» — «Дѣточки мои, отпустите меня. Подъ окошкомъ въ землѣ у меня золотая табакерка, и ее я дамъ вамъ.» — «А, старая вѣдьма, она и такъ будетъ наша.» — «Корнильцы мои, отпустите меня; подъ двернымъ порогомъ у меня есть кувшинъ золота. И его я вамъ дамъ.» — «Ха, онъ и такъ будетъ вашъ». Взяли они табакерку и кувшинъ золота и ушли. Шли

šijān su-rkskiñt stu-ftyž¹⁾). Čo-rěneš i me-rä: «mola-n, sajsa». Mu-rdaš. Sua-š ku-dyñti, va-nä. A kudga-ñt tombamla-nga ku-ja ču-dä jagababa-ñt ä-sta. Čorě-ñeš i dumä: «vanta-, son su-rym säviza. Poe-tomu son pek tañti-j. Nuka mon va-rčasa sonza ku-janza». Ko-ma-š i nola-š o-jdenza i täji-ñš šä-jñiks. I tuš ardy-ž. Arc virgañt pa-tancty. Pa-rä šä-jñiks. Patä-za va-nä: «Ko-sta te šäji-ñiš, koda-myška ma-zyj»; a šäjiñiš karčyzy-nga a-vañdä i pa-rä. Patä-š fañä-š: «Ež ež, te braty-m». Nu täjñi-ms a mñšt. I tuš ma-rynza. Molčt molčt vi-řga, tiščt pokš ki la-ŋks i mole-t kija-va. Syñc a-zdyt kop. Vany-t, kupe-čt syt ä-zyst i saji-ž šäji-ñiñt i täčti-ñiñt ma-ryst. I tušt; molčt molčt, sašt goroc i karma-št tava-ryst ä-sa mikšñi-mä. Mikšñi-t. Šija-juta-š še ja-ga ba-bañt täčti-řiza i ěeje-ä še šä-jñiñt. Molč mĩrdi-ñcty i me-rä tä-nga: «Aža, ramik o-na te kupečñeñ šäji-ñišt; ža-ra iļa ma-kst, nu saji-k». Še tuš. A son

1) istuftyž.

шли, хватились: забыли серебряное колечко. Мальчик и говорить: «пойду, возьму». Вернулся. Вошелъ въ домъ, смотреть. А по дому съ шестка течеть жиръ изъ бабы-яги. Мальчик и думаетъ: «смотри-ка, она съѣла мой палецъ. Поэтому она очень сладкая. Ну-ка попробую ея жиръ». Нагнулся и лизнулъ ея жиру и сдѣлался козленкомъ. И пошелъ вскачь. Прискакалъ въ лѣсу къ сестрѣ. Блеетъ какъ козленокъ. Сестра смотритъ: «откуда этотъ козленокъ, какой красивый», а козленокъ въ отвѣтъ ей плачетъ и блеетъ. Сестра поняла: «Эхъ, эхъ: это братъ мой». Ну, дѣлать нечего. И пошла съ нимъ. Шли шли лѣсомъ, вышли на большую дорогу и идутъ дорогой. Они сами не знаютъ куда. Видятъ, купцы идутъ къ нимъ, и взяли они козленка и дѣвочку съ собой. И пошли; шли шли, пришли въ городъ и начали продавать свои товары. Продають. Тамъ проходила дочь той бабы-яги и увидѣла этого козленка. Пришла къ своему мужу и говорить ему: «Ступай, купи козленочка вонъ тѣхъ купцовъ, сколько не дать, но возьми». Тотъ пошелъ. А она и думаетъ

i dūmā: «Še šāji-nīs, vany-k, moñ ava-n juma-ftyžā». Še rañi-zā šā-jiniñt, vó-težā ku-duñ. Še varči-zā: ava-za pídi-f; sa-ji-zā ke-žén pačk i páčkí-zā šā-jiniñt. A fāžti-rñis nejga-k ārā-bojara-vaks.

Jo u k s.

Ārā a-šcā do·va ba·ba. Dova babañ kolma fāžtirinza. Inazyr-pa-zyñ kuly-s koža-jkaza. Dovababa-n fāžtirínā bakulit. Pokšēs me-rā: «Kyba moñ inazyrbas sajiñlīmim koža-jkaks, vāžki suskumsa vāši Rašejanza frāñlīnā. A ombó-čēs mērā: «Kaby moñ saji-ñlīmim, vāžki koct loskótca vāši Rašejanza orčauñlīnā. A kolmóčēs mērā: «Kaby moñ zajiñlīmim inazyrbas kožajkaks, kolmy pākxa kāmgaftuva čora čačtañlīn, čit koft koñasyst, kšnikočkarat, kāñ gasymt, ušks tapardan kumañžat». A inazyrys še škañā kulcynys kāžkš

«Тотъ козленокъ, видишь, погубилъ мою мать». Тотъ купилъ козленка, привелъ его домой. Та попробовала: это испеченная ея мать; схватила она его въ злости и зарѣзала козленка. А дѣвочка и теперь живетъ какъ барыня.

Сказка.

Живетъ-поживаетъ вдова старуха. У вдовы старухи три дочери. Ударя померла жена. Дочери вдовы старухи болтають. Старшая говорить: «Если бы царь взялъ меня въ жены, я однимъ кускомъ накормила бы всю Россію». А вторая говорить: «Если бы меня взялъ, я однимъ лоскутомъ полотна одѣла бы всю Россію». А третья говорить: «Если бы царь взялъ меня въ жены, я въ три срока родила бы двѣнадцать сыновей, на лбу у нихъ солнце и луна, желѣзныя пятки, каменные темячки, колѣнки обернуты про-мѣлкой. А царь въ это время слушалъ позади двери. Услышалъ ихъ

udala. Mařínžä kortamsta. Šeñ sajižä kozajkaks. Kāpi·é vojna·
 Inazyrba·s tuš vojna·u. Še škañä babazy stardayš čačta·ma, i
 ki·skast karma·š lāuksija·ma. «Nu, tārt babu·ška». Čačta·š nīl
 čo·rat. Ki·skaš lāuksijaš nīl lāukst. Äžni·n čit koñ·syst.
 kšnikočkarat, kāñ gasymt. Babuškañt meļc apara. Vački·nžä až·
 nīñ elezē·nza. Šārgi·é, lišc ušu·u mary·st. Šārgi·é: tički tički
 pērgulički, po·jte pē·šni rusaļi·mški, na·te vam gasi·nčiki». Äžni
 tājiñšt ticaks i lišā·št, a kiska lāuksnyñ suvaftyñžä babuškaš i
 putyñžä inazyravañt vakse. Kučēt inā·zyryñti šorma·, šty pačva·
 nyj babat čačta·š nīl kiskalāukst. Saš inā·zyrys kudu·u, šolnā·
 inazyravañt ājsa: «čvalilēa, mēfet, kāmgaftuva čo·rat čačta·n, a
 nej, vanyk, kāmgaftuva kiskalāuks lāuksyjat». Inazyravaš mēfā
 tānza: «Lefeñdārā·j eščo· čačta·ms, še po·rastyñt ila tuk ko·ngak·
 Pāki·jaš taga·. Saš čačta·ma po·raza, tagy· tuš inazyrys vo·jna·
 Son ta·gy karma·š čačta·ma. Tārdiž dāgy še babu·škañt. Čačta·š

во время разговора. Ты онъ взялъ въ жены. Поднялась война.
 Царь пошелъ на войну. Въ это время жена его собралась ро-
 дить. И собака ихъ собралась щениться. «Ну, зови бабушку.
 Родила четырехъ сыновей. Собака оценилась четырьмя щенками.
 У дѣтей на лбу солнце и луна, желѣзныя пятки, каменныя те-
 мячки. Бабушкѣ не понравилось. Наложила дѣтей въ подолъ.
 Крикнула, вышла съ ними паружу. Крикнула: «птички, птички,
 пергулички, пойте пѣсни Иерусалимскія, нате вамъ гостинички».
 Дѣти сдѣлались птицами и подетѣли, а бабушка внесла въ до-
 щенять и положила ихъ около царицы. Они послали царю письмо,
 что хвалена твоя жена родила четырехъ щенять. Пришел
 царь домой и бранить царицу: «Ты хвалилась, говорила: я родю
 двѣнадцать сыновей; а теперь вотъ, ты оценилась двѣна-
 цатью щенками». Царица говоритъ ему: «если придется еще
 родить, на ту пору никуда не уходи». Забеременѣла она опять.
 Пришла пора ей родить, опять ушелъ царь на войну. Она опять
 начала родить. Позвали опять ту бабушку. Родила опять женщину.

taga·ava·ś. Kiskaś tagy·lāṅksy·jaś. Tagy·ba·buškaś vačkīnžā
elezē·nza. Šārgi·é tagy i·šta. Āḡni·tājiṇś tagy·ti·caks i liffāś
taga·. Son tagy·suaftyñžā babuškaś kiskalāṅksnyñ, tagy putyñžā
vaksyzy·nza. Saś tagy·iña·zyrys. Pēk mēlezēnža apa·ra. Xotel
lāra·myñza iñazyra·vañt, no kadyžā eščo·čačtamy·nza. Pāki·jaś
taga·. Saś tagy·čačta·ma pora·za. Iñazyrys tuś tagy·vojna·u.
Son dagy stardauś čačta·ma. Tagy tār·diz že ba·buškañt. Čačta·ś
tagy iili čo·rat. Kolmōtnā či koṇ ma·ptyt, a vā·ḡkiś išta pro·stēj
lo·mañ. Kolmōtnēñ putyñžā tagy·elezē·nza ba·buškaś, liffīñžā
nū·u ta·ga. Šārgi·é tag' i·šta. Tāji·ṇś tagy·ti·caks i liffā·śt taga.
Se i·jdīñt kady·žā avañt vaksc. Kiskalāṅksnyñ kolmōtnēñ suaftyñ-
žā. Kučēst iña·zyryñti šorma·. Saś iña·zyrys. Iñazyravañt piṇḡidižā
bočkaś čorē·nēñ marynza i vāḡki kiskalā·ṅks. Bočkañt noldē·žā
mo·ras. Ujñā·védga·ñt bo·čkaś. Čorēnēs karma·ś koṇta·ma. «Eḡ,
nēfā, ava·j, kaby Verēpazyś pokš varma·nolda·vyI, miñi·k bu val-

Собака опять оценилась. Опять бабушка наложила ихъ въ свой
подолъ. И крикнула опять такъ же. Дѣти опять сдѣлались пти-
цами и опять полетѣли. Бабушка опять внесла (въ избу) щенятъ,
опять положила ихъ около нея. Пришелъ опять царь. Очень ему
не понравилось. Хотѣлъ казнить царицу, но оставилъ ее еще
разродить. Она забеременѣла опять. Опять пришла пора родить.
Царь опять ушелъ на войну. Она опять собралась родить. Опять
позвали ту бабушку. Опять родила она четырехъ мальчиковъ.
Трое съ солнцемъ и луной, а одинъ такъ простой человекъ. Тро-
ехъ бабушка опять положила въ свой подолъ и опять ихъ вы-
несла на дворъ. Опять такъ же закричала. Сдѣлались они опять
птицами и опять полетѣли. Того ребенка она оставила близъ ма-
тери. Внесла трехъ щенятъ. Послали царю письмо. Пришелъ
царь. Онъ заколотилъ царицу вмѣстѣ съ сыномъ и однимъ щен-
комъ въ бочку. Бочку пустилъ въ море. Плаваетъ бочка по водѣ.
Мальчикъ сталъ говорить: — «Эхъ, говорить, матушка, если бы
Всевышній пустилъ большой вѣтеръ, насъ выбросило бы волной

nasa jorda-ŭl'miž be-řeks». Ava-š meřä: «Eχ, äjdñi-m, kyby toi gurstä Vefepazynt pi-lis». Nu, mariñžä Vefepa-zyš. Kāpi-č bu-řa, jordenžä synct valnasa beřeks. Čorè-ñeš kortä ta-ga: «Eχ, ava-j, meřä, kyby mon vāñftiñliñ keden bilgin, bočka pätnä lišivilt. Min bu lišiviltiñik švec». Ava-š tagy- meřä: «Kyby äjdñim, meřä, to gu-rksta Vefepa-zynt pi-lis». Vāñftiñžä kedenza pilginza. Lišič bočka pä-tñä. Syn lišič naruzž beřeks. Aščit čiči, i sas vā. Mač bočka pä-ñti¹⁾. Va-ički štašt. Ara-š vāχkijak loma-ñ. Mořa be-řeckañt pavañ dolgat aščit. Čo-řeñeš karma-š nalksi-mä, pavañ dolga-ñiñ kočkse-mä, kudy-ñiks äjsy-st täjñi-mä. I meřä ava-nst: «Eχ, ava-j, meřä, kyby ne kudyñi-tñä täji-vilt go-řnečaks». Na Vefepa-zyš mari-ñžä i täji-ñšt go-řnečaks. Šija-jutä obò-z. Čo-řeñeš lišič karčizyst, kākšñä ä-jsyst: «Kon, meřä, mořda-da?» — «Iñä-zyrnyñ izvoz uskta-na». Täjiñš son gak ka-ruññiks. Päñäš izvo-ščekñeñ ča-pkas. Tušma-ryst. Suvaš tozè-j iñä-zyrnyñ ku-čy

1) bočka päš.

на берегъ». Мать отвѣчаетъ: «Эхъ, дитятко, кабы (слова) въ твоего рта (дошли) Всевышнему въ уши». Ну, слышалъ его Все-вышній. Поднялась буря, выбросила ихъ волною на берегъ. Мальчикъ говоритъ опять: «Эхъ, матушка, если бы я могъ протянуть руки и ноги, дно бочки выскочило бы. Мы вышли бы на свѣтъ. Мать говоритъ опять: «Кабы, дитятко, (слова) изъ твоего рта (дошли) въ уши Всевышнему». Онъ протянулъ руки и ноги. Вы-скочило дно бочки. Они вышли наружу на берегъ. Сидятъ онъ день, и пришла ночь. Легли они на дно бочки. Утромъ всталъ. Нѣтъ ни одного человѣка. По берегу моря лежатъ павлиньи перья. Мальчикъ началъ играть, собирать павлиньи перья, дѣлать изъ нихъ домики. И говоритъ своей матери: «Эхъ, матушка, кабы эти домики сдѣлались горницами». Ну, Богъ слышалъ его, и они сдѣлались горницами. Тамъ проходитъ обозъ. Мальчикъ вышелъ имъ навстрѣчу и спрашиваетъ ихъ: «Куда, говорить, вы идете?» — «Мы веземъ царскій извозъ». Обернулся и онъ мушечкой. По-шли къ извозчикъей шашкѣ. Пошелъ съ ними. Вошелъ туда въ

Valks šte-nas. Kulcyny, mäsť kortä-t izvoščeknä. Văŭki-š i mēfä. izvo-ščekes: «Mäji-n dīva-t ne-jenek! Iša-k juty-nik moŭa befe-kšēf, arašil māziŭa-k, a tečä. juta-tana — aščit go-rnecat neskazau-nij mazy-ŭt». A ba-buška. ba-baš inazy-rynt keca kuŭarkaks iŭa. I korty fäst: «Net uš i mā-jin dīva-t. Mon zo-dan dīva-t. Vot tyk net dī-vat: díkyj štepsa, pu-sta pa-kšasa tua ne-rcēnza poŭa, pilisy-nza vīdä, pulysynza izä. — vot še tyk dī-va». Co-rahēš mafi-žä še va-lynt. Saš kuduŭ do-sta i mēfä avancty: «mā-jin dīva-t jofne-št to-sa. Vot díkyj štepsa tu-a, i soŭe sokä. i vīdä. i izä. Kyby še mīnänik, a-vaj, do-stat». Ava-š mēri tā-nza: «Kosta, ā-jdñim, še mīndänik dosta-t?» — «Mon moŭa-n, ava-j, vāšni-sa». Tuš i muji-žä. Paŭi-žä kudy-st vakse, karma-ftyžä so-la-ma. Juty-t tagy. izvo-ščeknä. Son tāji-š tagy karuŭniks, valks tagy. čapka-zyst. Tuš tagy. ma-ryst, suaš inazyryn guč tagy ma-ryst. Izvo-ščeknä tagy. kortē-t: «Vot, mēfet, dīva-tñä: kona-

ский домъ. Спустился на стѣну. Слушаетъ, что говорятъ извозчики. Одинъ извозчикъ и говорить: «Что за чудеса мы видѣли! Вчера мы проѣзжали по берегу моря, ничего не было, а сегодня проѣзжаемъ, стоятъ горницы несказанно красивыя». А бабушка старуха живетъ у царя кухаркой. И говорить имъ: «Это ужъ что за чудо. Я знаю чудо. Вотъ это такъ чудо: въ дикой степи, въ пустомъ полѣ свинья пашетъ рыломъ, ушами сѣетъ, хвостомъ боронуетъ—вотъ это такъ чудо». Мальчикъ услышалъ то слово. Пришелъ оттуда домой и говорить своей матери: «что за чудо сказывали тамъ. Вотъ въ дикой степи свинья и сама пашетъ и сѣетъ и боронуетъ. Какъ бы намъ это достать, матушка». Мать говорить ему: «Откуда, дитятко, намъ это достать?» — «Я пойду, матушка, найду». Пошелъ и нашелъ. Пригналъ (свинью) къ ихъ дому и заставилъ ее пахать. Проѣзжаютъ опять извозчики. Онъ опять обернулся въ мушечку, спустился опять на ихъ шапки. Опять зашелъ съ ними, вошелъ опять съ ними въ царскій домъ. Извозчики опять говорить: «Вотъ, говорятъ, чудо: свинья, о которой

tu·vyñt tesy jo·fneŋk, še ja·k uš to·sa». Še a·vaš tagy· mēfā:
«še a mā·jiñ dī·va. Vot mon jofta·n dī·va: «dīkyj šte·psa e·ldā
kānga·ftuva vaša mālga·nza ja·kā, grīva·st puly·st zolotoŋt.
Čorē·neš maŋi·nžā i tuš kudu·ŋ da·ga. Avancyj kortā: «taga,
avaj, maŋi·n dī·va: dī·kyj šte·psa e·ldā, kāngaftuva vašy mālga·n
za, grīva·st puly·st zoloto·ŋt. Mon moŋa·n, neñ gak tej dusy·nā. Tuš
i pañiñžā tej. Noldēñžā moŋa·n be·fekka. Izvo·ščekñā tagy· juty·t.
Son fā·jiñš tagy karuññiks i tuš tagy· maryst. Suvaš tagy inaz
ryñt kuc. Valks tagy· šte·nas. Izvo·ščekñā kortē·t taga: «Vot
dī·va·tñā! Kona eldeñt joŋne·ŋk tesa·, še jak uš synet keca·». A
habu·ška baba·s tagy· mēfā: «te a mā·jiñ dī·va. Vot mon jofta·n
dī·va: dī·kyj štepsa že·māŋka, tosy že·māŋka kijakseyñt aca
po·lōk, polōgeñt laŋksa kāviŋkijā čo·ra; nalksi·t ka·rtasa, kō
kočkaŋat, kāŋgasynt, ušks tapardañ gumañžat, čit koŋt koŋa·sys
Čorē·neš maŋi·nžā taga· i tuš kudu·ŋ daga·. Kortā· avancyj

вы рассказывали здѣсь, и та ужъ тамъ». Та женщина опять го
ворить: «то никакое чудо. Вотъ я расскажу чудо: въ дикой степи
ходить кобыла, а за ней двѣнадцать жеребятъ, гривы и хвосты
золотые». Мальчикъ услышалъ это и пошелъ опять домой. Гово
рить своей матери: «оняť, матушка, я узналъ чудо: въ дикой
степи ходить кобыла, а за ней двѣнадцать жеребятъ, гривы и
хвосты золотые. Я пойду и ихъ приведу сюда». Пошелъ и при
гналъ ихъ сюда. Пустилъ ихъ по берегу моря. Извозчики прохо
дятъ опять. Онъ обернулся опять въ мунечку и пошелъ, съ ними
опять. Вошелъ опять въ домъ царя. Спустился опять на стѣну.
Извозчики опять говорятъ: «Вотъ чудо! Кобыла, о которой вы
здѣсь рассказывали, и та ужъ у нихъ». А старуха бабушка опять
говорить: «это никакое чудо. Вотъ я расскажу чудо: въ дикой
степи землянка, тамъ на полу землянки постланъ пологъ, на по
логъ одиннадцать мальчиковъ; играютъ въ карты, желѣзные ша
боры, каменные темячки, колѣнки обернуты въ проволоку, на
у нихъ солнце и луна». Мальчикъ услышалъ опять и пошелъ опять

«Eχ, avaj, māji-n dīva-t maṛi-n. Dī-kyj šte-psa že-mlaŋka, že-mlaŋka ki-jakseynt acaf polok, pologent laŋksa kaviŋkijā čora nalksi-t ka-rtasa, čit koft koŋa-syst». Ava-s i meṛā: «Neŋ ā-jdñin, toñ braty-t sama-j». — «Mon, ava-j, zynet kak dosta-nu? Pañt āš lofečezet kaviŋkijā šu-kyr». Pañc avas kaviŋkijā šu-kyr, saji-nžā čoreñes šukyrŋnyñ, tuš mary-st, muji-zā že-mla-ŋkañt, pañžizā kārksinga, kavi-rc vāŋki šuky-r. Sajizā vāŋki čoraš šukrynt i karma-š ajsty-nza jarca-ma i korty- fäst: «Eχ, brat, meṛā, te šu-ky-ryš prok avañ lofcēs pañi-f»; a čoreñes maṛa-syñžā māšt kortē-t. Kaji-nžā vāši šukyrŋnyñ kā-ŋkškañt, sajñi-z ešče-tñā jak i suas soñc kak. «Meṛdā-dy, bra-ty, prok avañ lo-fcēs pañift šu-kyrñā, ada-da tyñc ka-k ava-nñ». I tušt vāši. Molēt tozēj syñ kak raz goṛñečatñā i-kiliŋ, i izvo-ščekñā kak raz pačky-t še-zej. Neŋ kaduñšt tosk čora-tñā, a se tuš taga- izvoščekñā maṛta. Molēt tagy- tozē-j. Pādā-s šte-nas. Izvo-ščekñā tagy- kortē-t: «Vot

домой. Говорить своей матери: «Эхъ, матушка, что за диво я узнать. Въ дикой степи землянка, на полу землянки постланъ пологъ, на пологу одиннадцать мальчиковъ, играютъ въ карты, у нихъ на лбу солнце и луна». Мать и говоритъ: «Это мои дѣтки, самые твои братья». — «Я, матушка, и ихъ достану? Испеки на своемъ молокѣ одиннадцать лепешекъ». Испекла мать одиннадцать лепешекъ, взялъ мальчикъ лепешки, пошелъ съ ними, нашелъ землянку, отперъ двери, покатылъ одну лепешку. Взялъ одинъ мальчикъ лепешку и сталъ ее ѣсть и говоритъ имъ: «Эхъ, братцы, эта лепешка словно испечена на молокѣ моей матери», а мальчикъ слышать, что они говорятъ. Бросилъ черезъ дверь всѣ лепешки, взяли и остальные, и самъ онъ вошелъ. «Вы, братцы, говорите, что лепешки испечены словно на молокѣ матушки, идите и вы сами къ матушкѣ». И пошли всѣ. Пришли туда какъ разъ передъ горницами, и извозчики какъ разъ проходятъ тамъ. Эти мальчики остались тамъ, а тотъ ушелъ опять съ извозчиками. Пришли опять туда. Спустился на стѣну. Извозчики опять гово-

dīva·tñā: kona·cōra·tñīn tesā·jo·fñeṅk, ñeṭ kak uš to·sēṭ. Ina·zyrys i mēfā: «Koda·tt ištā·tt tesā·lomatñā. Ārāvā vandy·j moleñā tāst». Cōrēñes tuś i avansty kortā: «Vandy·j, mēfā, ava·j, inazyrys tñī·k sy; śrāpa·jada; ārāvā son kava·ñams». Ava·ś mēfā: «Bydā·ina·zyrys sy, ton joftaft moñ ġecta jouks». Nu, sās ina·zyrys tāst, ozaftyž stolekšc, karmašt kava·ñamynza, suvašt vāši cōra·tñā. Tē cōrēñes karma·ś avanzy doña·ma: «Ava·j, joftak jouks». Ava·ś mēfā: «Mon, ājdñīm, moñc kak prok joukskan». Cōrēñes mēfā: «Āś pñi·ñit ʒot joftē·k». Ava·ś mēfā: «Moñ bñam joftams či dy vā satā». A cōrēñes mēfā: «Čis dy vās i to joftē·k». Avaś karmaś pñanzy·jofta·ma, koda āfās dovababa·ś i koda kul·y·ś inazyryñ kožajkaza i saji·žā sonzy·koda, koda·čāčñi·ñja cōra·tñīn, koda·babu·škaś jumafñiñžā, koda ina·zyrys sonza·bo·ckas pñṅi·dīžā i mo·ras koda·noldēžā, koda valnasy befeks jordē·žā. Inazyrys kulcy·nā i dūmi·, šty te űeka·k moñ goža·jkan

рять: «Вотъ чудо: мальчики, о которыхъ вы здѣсь говорили, в они тамъ». Царь и говоритъ: «Какіе такіе тамъ люди? Надо завтра пойти къ нимъ». Мальчикъ ушелъ и говоритъ своей матери: «Завтра, матушка, къ намъ придетъ царь; готовьте бушанье; надо его угостить». Мать говоритъ: «Если придетъ царь, ты заставь меня разсказать сказку». Ну, пришелъ къ нимъ царь, посадили его за столъ, начали его угощать, вошли всѣ мальчики. Этотъ мальчикъ сталъ приставать къ своей матери: «Матушка, разскажи сказку». Мать говоритъ: «Я, дитятко, сама слово сказка». Мальчикъ говоритъ: «самоё себя хотъ разскажи». Мать говоритъ: «Разсказывать обо мнѣ хватить на день и ночь». А мальчикъ говоритъ: «день и ночь, а всё-таки разскажи». Мать стала разсказывать о себѣ, какъ жила вдова старуха и какъ умерла жена царя и какъ онъ взялъ ее, какъ она родила мальчиковъ, какъ бабушка погубила ихъ, какъ царь заколотилъ ее въ бочку и какъ пустилъ въ море, какъ волной прибило ее къ берегу. Царь слушаетъ и думаетъ, что то была никакъ моя жена.

ulñis. Šta·ś stole·kšstest i tuś kudu·u. Molé, še ba·banít šulmizä alašä·ñ pu·lys i noldéžä dī·kyj štepej. Soné saś neñeñ ära·ma.

Записано отъ Т. Учуськиной.

J o u k s.

Ära·št a·ščišt äta·t baba·t. Äjdīst arašiīt i syn pek mäla·fēt. Nu täjñims a mä·št, kyli ara·št, saji·ms ako·sta. Ätäś tuś burla·čama. Kīzy·ñ burla·čas, mājli sy ku·duu. Ombö·čä tu·nda; čis ulñis psi. Son oza·ś ojñe·semä me·lüeca brud' va·kss. O·jmaś täjś, šinima·zy saś. Ko·maś koma·da i karma·ś ši·mimä. Šinś, karmas štama. Maia·syj, ki bidī saka·ldy kundyzä. Son dumä, mājś kak porğšt. Tej nock, tou nock, sakaχnä ata·rgavīt. Son i meä: «Ki to·sä, nolda·k. Mäšt voža·t?» — «A no·ldan!» — «Mäks?» — «Ila· šinñi ko·mady, vot mäks». — «I karma·t nej

Всталъ изъ за стола и пошелъ домой. Пришелъ, ту старуху привязалъ къ лошадиному хвосту и пустилъ ее въ дикую степь. Самъ пришелъ жить къ этимъ.

Сказка.

Жили были старикъ и старуха. Дѣтей у нихъ не было, и они очень печаловались. Ну, дѣлать нечего, коли нѣтъ, не откуда взять. Старикъ ушелъ бурлачить. Лѣто онъ бурлачилъ, а потомъ пошелъ домой. Вторая весна; день былъ жаркій. Онъ сѣлъ отдохнуть около мельничнаго пруда. Отдохнулъ немного, захотѣлось ему пить. Нагнулся въ припадку и началъ пить. Напился, сталъ вставать. Чувствуетъ, будто кто схватилъ его за бороду. Онъ думаетъ, что борода какъ нибудь зацѣпилась. Сюда дернетъ, туда дернетъ, борода не вырывается. Онъ и говоритъ: «Кто тамъ, пусти. Чего балуешь?» — «Не пущу!» — «Почему?» — «Не вѣ въ припадку, вотъ почему.» — «И станешь теперь такъ меня

išta·kirđimin?» — «Da!» — «A žardy no·ldasamak?» — «Šesta, žarda alfta·sak moūdān šēn maksu·ms mā·ži ku·ca azdasak. A biđā a a·lftasak, vādīnī u·sktan». — I karma·ś usku·ma. «Užy, iļa·mak usk! Duma·n vašna». I karma·ś duma·ma. «Dy māži mon aso·dan? I šēn zoda·sa, i šēn zoda·sa; prok vāši soda·syn māžim ulā». I mērc: «nu, saji·k». Liśc vā·ctyūt a·ta, vāšij še·dēj. Targa·ś pājilnā, targa·ś ko·nou prok kiugyryn. I mērc: «na kārī·k lā·m·tiñi su·ryt, a man vārcy·t šorma·dan šo·rma, a toñc šorma·duma ama·štat, čērks tāžc». Čērksyžā su·ryūt, tājni·ms amā·št. Še na·vi·žā pera·nza i māšt biđi šorma·c. I mērc: «nu na če·rkstalo. Afās saji·žā peraūt i čerksta·ś. Še tuś vāc, a afās štās i tuś kudu·u. Molā· i dumā·: «Māži·žy mon aso·dan? Vēd vāšij sodasyā. Moža koda·myjak to·sa tara·tkā āli māžija·k». Molā·, ištā·dumā·, a šādī·jiza rīznā·, i pačkyc ištā kudu·u. Suva·ś kardazu. baba·za liśc karčizynza, a kecēnza āžc. Afās sra·zu fatās. «Ež,

держать?» — «Да!» — «А когда отпустишь?» — «Тогда, когда обещаешь дать мнѣ то, чего ты не знаешь въ домѣ. А если не обещаешь, утащу въ воду». И началъ тащить. «Погоди, не тащи меня! Сперва подумаю». И началъ думать. «Да чего я не знаю? И то знаю и то знаю; словно, всё знаю, что у меня есть». И сказалъ: «ну, возьми». Вышелъ старикъ изъ воды, весь сѣдой. Вытащилъ ножикъ, вытащилъ бумагу, словно изъ бересты. И говорить: «на, разрѣжь безымянный свой палецъ, а я напишу писемъ твоею кровью, а ты самъ писать не умѣешь, сдѣлай черту». Нарѣзалъ палецъ, дѣлать нечего. Тотъ обмакнулъ свое перо и что то написалъ. И сказалъ: «ну, на, сдѣлай черту». Старикъ взял перо и сдѣлалъ черту. Тотъ ушелъ въ воду, а старикъ всталъ и пошелъ домой. Идетъ и думаетъ: «Чего же я не знаю? Вѣдь я всё знаю. Можетъ быть, тамъ какой-нибудь сучокъ или что-нибудь (другое)». Идетъ, думаетъ такъ, а сердце его тоскуетъ, подошелъ такимъ образомъ къ дому. Вошелъ во дворъ, старикъ его вышла ему на встрѣчу, а въ рукахъ ребенокъ. Старикъ

māšt mon dāji-n. Kady-k lučšy mońceń vādinfi usku-ŋlinin». Praš i karma-s ra-ŋguma. Baba-za i dumā: «Māks žy son raŋgā? Ātavyl tūnza radu-vams. Āŋt tūnza ŋeften, a son koda-k ŋeježā i ura-kac». Baba-s karma-s lači-mingā. «Māšt raŋga-t? Štak. Vērepas āŋt tāni-k maksć, a ton prok ta-ndadyt ā-jstynza. Štak, suva-k kuc, a to loma-tt pā-jdīmi karmit». Ačās štā-s i suva-št. Aščišt tājšt. Atā-s ja-la raŋgā i baba-s karma-s ra-ŋguma; la-ŋgyzst va-nyž ā-jdīs kak karma-s raŋgu-ma. Syn lotka-št i karma-št ājdi-nt lači-mingā. Baba-s i mēra: «Māks ton išta- raŋgi-t a-ta?» — «Ež, māzija-k ton, baba-, aso-dat. Māšt mon dāji-n! Vēd išta-, išta-, i jofne-ŋžā vā-šij, koda- tāvi-s ulni-s. «Mā-ži tājat, nat Pazy-nfi išta- āra-vā; karma-tana āra-ma i ŋcu-ma māšt u-lit, māšt Pas tājā. Pazy-s ama-kscyj, tuvys asā-psyj». I karma-št āra-ma. Āri-t god, āri-t kafta. Āra-št kā-miń gott. Ājdīs kašć. Sońć čo-ra u-līis. Vāŋki vā-sta druk čora-s koda-k ky-rūatć i

сразу догадался: «Эхъ, что я сдѣлалъ. Пусть бы лучше онъ меня самого утащилъ въ воду». Упалъ и началъ рыдать. Старуха и думаетъ: «Отчего же онъ рыдаетъ? Ему слѣдовало бы радоваться. Я показала ему ребенка, а онъ, какъ увидѣлъ его, разревѣлся». Старуха стала его утѣшать. «Чего ты плачешь? Богъ далъ намъ ребенка, а ты словно испугался его. Встань, войди въ домъ, а то люди станутъ смѣяться». Старикъ всталъ, и они вошли. Посидѣли немного. Старикъ все плачетъ и старуха стала плакать; глядя на нихъ, и ребенокъ сталъ плакать. Они перестали и начали утѣшать ребенка. Старуха и говоритъ: «Отчего ты такъ рыдалъ, старикъ?» — «Эхъ, ничего ты, старуха, не знаешь. Что я сдѣлалъ! Вѣдь такъ и такъ», и разсказалъ все, какъ было дѣло. «Что сдѣлалъ, знать Богу такъ угодно; будемъ жить и ждать что будетъ, что сдѣлаетъ Богъ: Богъ не дастъ, свинья не съѣстъ». И стали жить. Живутъ годъ, живутъ два. Прожили десять лѣтъ. Ребенокъ выросъ. Онъ сталъ юношей. Однажды ночью юноша вдругъ какъ вскочить и начнетъ кричать. Отецъ всталъ и

karma-ś piṣṭā-ma. Tāta-za śtaś i karma-ś kṛpā-kṣī-mā: «Māks, aḍḍān, māks lāḍḍā-kim? Mā-ḍḍā tandady-t? Maṭṭ, udy-k». — «Ama-ḍan, pāḷa-n». — «Dy māḍḍi pā-lat?» — «Sakṣnyś koda-ma bidī a-ta, vāśi sedēj i mērc: śtak, mērt tatati, kady-k kučta-nḡat koḡ āṛāvā tāt mole-ms». Atāś fatā-ś. «Māśt tā-jñims? Dava-j eśčo- učy-tana, māśt u-līt vancy-nīk. Saś ombō-čā vāś. Ma-dñiśt. Atā-ś tagy-śaś. Tagy iśta-ḡa mērc. Čorē-ñeś śtaś; kāpi-č buṛa i kudy-pṛa-st saly-ḡā. «Nu, baba, tāṭt apa-rt. Davaj, vandyj popō-ñi moldā-na. Māśt son joftā?» Valčki śtaśt i močēt popō-ñi i jofne-t tānḡa vā-śij. Popō-ś i mē-rā: «dava-jti, sluḡan dāḡk mole-ben, i kučy-ḡk z Bo-hom, kady-k mo-lā koḡ dānḡa para. Vāśna kady-k mo-lā še vādi-ñt vakse, a bidī to-sa māzi ja-k au-lā, kadyk eśčo-knaja-k ja-kā». Saśt ku-duḡ, purnyḡ sē-ṛneḡ i mērcēt tā-nḡa: «Nu, čora-m, iśta- iśta-; mon juma-ftytiñ ara-ftytiñ», tāṭāś mē-rā. «Iśta- iśta- tāvi-ś ulhi-ś», i jofne-ḡḡā tānḡa vā-śij. Čora-ś śtaś, oznē-

сталъ спрашивать: «Что, дитятко мое, что дитѣнышъ мой? Чего ты испугался? Ложись, спи». — «Я не лягу, боюсь». — «Да чего ты боишься?» — «Приходилъ какой-то старикъ, весь сѣдой, и сказалъ: вставай, скажи отцу своему, пусть пошлетъ тебя кунъ тебѣ надо идти». Старикъ появля. «Что дѣлать? Давай, еще пождемъ, увидимъ, что будетъ. Настала другая ночь. Легли спать. Старикъ пришелъ опять. Опять онъ сказалъ то же. Юноша всталъ; поднялась буря и сорвала крышу съ ихъ дома. «Ну, старуха, дѣло неладно. Давай, завтра пойдемъ къ попу. Что онъ скажетъ?» Утромъ встали и пошли къ попу и рассказали ему все. Попъ и говорить: «Давайте, я отслужу вамъ молебень и пошлю его съ Богомъ, пусть идетъ куда ему желательно. Сначала пусть идетъ къ той рѣчкѣ, а если тамъ ничего не будетъ, пусть поидетъ еще кое-гдѣ». Пришли домой, собрали его и снарядили. И сказали ему: «Ну, сынокъ, такъ и такъ; я, говоритъ отецъ, не губилъ загубилъ, тебя. Такъ и такъ было дѣло», и рассказалъ все. Юноша всталъ, помолился и пошелъ. Пришелъ къ берегу

i tuš. Moľé še vādīnt krajs. Ašči·ś ašči·ś, māži ja·k ara·ś, i tuš
koḡ sālmi·za aňe·jä, koḡ piliza ama·rä. Moľé moľé, suva·ś vírc.
Muš vírcytūt tro·peňä i tuš še tropeňe·vaňt. Moľé moľé, muš ku·
dyňä. Kudyňi·syňt jagaba·ba. Suaš täňza. Baba·ś i meňä: «Mášť
bidi, äjdniim, jaka·t paka·t?» Čorėnes jofneňžä koḡ molä· i mäs
molä. «Eḡ, čora·m, kua·t tāt amu·jivä. Na, mon maksan dāt
ki·riňä. Koda·k li·śat, kaji·k ma·styrūḡ. Koḡ ki·riňis kävirä, toḡ
i ton mälga·ňza moľť. Še moň zoda·mym atäs; moň pata·m ekšcē·
ňza ulňis; ku·lyś; kaduś tāḡtír šoňdedeňžä mājla, a son uřva·ksc,
sajś li·ja. Teň ajsta eščo· kävi·ḡkijä tāḡtířť čáčť. Vot kozė·ň te
ki·riňis lo·tkä o·žera krajs, ton kekšt šezė·ň paryni·sta i ucy·k
hřřgu·lkiňä. Šoňdede·ňza mājla eščo· kävi·ḡkijä. Vačky·dívít
ma·styrvaksc i täji·vířť váši tāḡtírks, váši ma·zyḡť i kajsi·syž
ode·žast i karňi·ť ekšė·lama. E·kšėlet, e·kšėlet; käviḡkijitňä li·śit,
o·řėnet, vačky·dívít mastyrva·ksc, täjnívit mäkij gu·lkiňiks i tuji·ť

той рѣки. Побылъ побылъ, ничего нѣтъ, и пошелъ куда глаза его
глядятъ, гдѣ уши его слышать. Шелъ шелъ, вошелъ въ лѣсъ.
Нашелъ въ лѣсу тропинку и пошелъ по той тропинкѣ. Шелъ
шелъ, нашелъ избушку. Въ избушкѣ баба-яга. Вошелъ къ ней.
Старуха и говоритъ: «Чего это ты, дитяtko мое, ходишь ше-
ствуешь?» Мальчикъ разсказалъ, куда онъ идетъ и для чего идетъ.
«Эхъ, сынокъ, долго тебѣ не найти. Вотъ, я дамъ тебѣ клубо-
чекъ. Когда выйдешь, брось его на землю. Куда клубочекъ по-
катится, туда и ты за нимъ иди. Тотъ старикъ мой зять; стар-
шая сестра моя была за нимъ; она померла; послѣ нея осталась
дочь, а онъ женился, взялъ другую. Отъ той родилось еще один-
надцать дочерей. Вотъ, гдѣ этотъ клубочекъ остановится у берега
озера, ты туда спрячься получше и жди летящую голубку. За
ней еще одиннадцать. Онѣ ударятся о землю и сдѣлаются всѣ
лѣвушками, всѣ красивыя, и скинутъ свои одежды и станутъ ку-
паться. Покупаются, покупаются; одиннадцать выйдутъ, одѣ-
нутся, ударятся объ землю, опять сдѣлаются голубками и пой-

liffa·ma. A kāmga·ftuvyčís, kona· i·kilij saś, še šeft mājlis kadu·vā e·kšēlama. Kodak kadu·vā ška·mynza, ton žesta sa·jit ode·žanza i kekšt mary·st. Son li·šā vā·ctynt i karmā· vāšni·mā. Vāšni vāšnā, amu·jivif, še·sta karmā vā·šiž vāšimā: «Ki saji·nžā maksy·rķ». Ton ka·štmoļt. Son garmi· korta·ma: «Bidi syrā čoralo·mañ, ulizy tñ tñ·tñniks, a bidi syrā avalo·mañ, uliza tñ a·vñniks, a bidi od tñ·tñtñr lomañ, uliza tñ sa·zyrnyks, a bidi o·dčora lomañ, uli·za tñ mñ·rdñks». Ton žesta lišt i maksy·t». — Son moļc še·zēñ, kekšc še ta·rkañti. Liffāšt gulka·tñā, koda· še ba·baś jofta·ś; i kyda kāvī·kijitñā lišc i tušt, a kāmga·ftuvyčís kadu·uś, šesta son sa·ji·nžā i kekšc·nžā ode·žanza. Tē lišc vāctynt, čara·ś, čara·ś, ode·žanza ara·št, i karma·ś sājri·mā: «Ki sajinžā odežam, maksy·rķ; bidi syrā čoralo·mañ, uliza tñ tñtñniks; bidi syrā avalo·mañ, uli·za tñ a·vñniks; bidi odtā·tñtñr lo·mañ, uli·za tñ sa·zyrnyks, a bidi odcō·ra lo·mañ, uli·za tñ mñrdñks». Son lišc i maksy·nžā ode·

дуть летать. А двѣнадцатая, которая прежде пришла, та останется купаться послѣ всѣхъ. Какъ только она останется одна, ты тогда возьми ея одежду и спрячься съ нею. Она выйдетъ изъ воды и начнетъ искать. Поищеть поищеть, не найдетъ ее, тогда станетъ просить и упрасивать: «Кто взялъ ее, отдайте». Ты молчи. Она начнетъ говорить: «Если старый человѣкъ, пусть будетъ мнѣ тятенькой, а если старая женщина, пусть будетъ мнѣ маменькой, а если молодая дѣвушка, пусть будетъ мнѣ сестричкой, а если молодой человѣкъ, пусть будетъ мнѣ мужемъ». Ты тогда выйди и отдай (одежду)». — Онъ пошелъ туда, спрятался въ томъ мѣстѣ. Прилетѣли голубки, какъ та старуха говорила; и когда одиннадцать вышли и ушли, а двѣнадцатая осталась, тогда онъ взялъ и спряталъ одежду. Эта вышла изъ воды, вертѣлась, вертѣлась, одежды нѣтъ, и она начала кричать: «Кто взялъ мою одежду, отдайте ее; если старый человѣкъ, пусть будетъ мнѣ тятенькой; если старая женщина, пусть будетъ мнѣ маменькой; если молодая дѣвушка, пусть будетъ мнѣ сестричкой, а если молодой человѣкъ, пусть

žanža. «Nu, vot mášť: tafa·m išta·k ama·kcamam, a karmä· äsy·t naŕga·ma. Nu, mon karma·n tāt poso·bläma. Ton koda težen go·dävit?» — «Išta, išta», jo·fneňžä žanža. «E, ton uš šady·ća; väjk·synğamiñ väjksy·tñiñ prást uš koleja právat. Něj kodak pojavat, šady·ća va·čkydä ko·leja. Šeñ toñdät any·kstasy. Nu ada· moñ·dän. Mon ära·n baška täti·din¹⁾ ä·jsta, a syn väši väžca, tafa·m, oda·vam i kävižkijä täžti·rist. Moñ maŕta ila· päl. Mon tafa·dyn la·ma soda·n; moñ avam tona·ftyminñ». I täji·žä čora·nt ča·čkaks, a soné gu·tkiniks, i tušt lišta·ma. Lištašt kudyzy·nža. «Nu, vot mášť, me·rä täžti·riš. Něj šimt jarca·k dy mašt ojmešek, a va·ndyj molat täti·niñ. Zdoro·u, mešt, deda·j, učy·t li ä·jsyn? Vot mon syn. Son šimdatanzat, anta·nžat i joftä· tāt ro·bota. Ton i mešt: pa·ra. Valčkiš čokšneďeňt právij. Sak valčki·vanu·ma, tuji· li meše·zét. — A nej udy·k». Mač čora·š, va·lčki ščas i tuš dedansty. Sna·š, še aščä. «Zdoro·u, deda·j, učyt li ä·jsyn?» — «Koda·

1) t'at'id'in.

будеть мнѣ мужемъ». Онъ вышелъ и отдалъ ея одежду. «Ну, вотъ что: отецъ такъ не отдастъ, а начнетъ надъ тобой надру·гаться. Но я буду помогать тебѣ. Ты какъ сюда попалъ?» — «Такъ и такъ», рассказалъ онъ ей. «Э, ты ужъ сотый; головы девяносто девяти уже на острияхъ кольевъ. Теперь, какъ только ты покажешься, онъ вобьетъ сотый колъ. Онъ приготовить его для тебя. Ну, иди ко мнѣ. Я живу отдѣльно отъ отцовскаго дома, а они все вмѣстѣ, отецъ мой, мачеха и одиннадцать дочерей. Со мной не бойся. Я знаю больше отца; меня научила мать». И сдѣлала мальчика галкой, а самое себя голубкой, и пошли летѣть. Прилетѣли въ ея домъ. «Ну, вотъ что, говоритъ дѣвушка. Теперь пей, ѣшь и ложись отдохни, а завтра пойдемъ къ отцу. Скажи: здорово, дѣдушка, ждалъ ли ты меня? вотъ я пришелъ. Онъ напоитъ тебя, накормитъ и укажетъ тебѣ работу. Ты и скажи: хорошо. Утро вечера мудренѣе. Приходи утромъ посмотрѣть понравится ли. — А теперь усни». Легъ мальчикъ, утромъ всталъ и пошелъ къ дѣду. Вошелъ, тотъ сидитъ. «Здорово, дѣдушка, ждалъ ли ты

uču·ms, davno· něy·ń». — «Vot mon syn. Mäst jofta·t?» — «Mäst
nej jo·ftan? Oza·k ojmešek, dy šimt jarca·k, a mā·jlā tāvñā ja·k
mo·žna jofta·ms». Son šimś, jarca·ś, ojma·ś tājś, mā·jlī štaś.
Atās i me·rā: «Vot māšt, čora·m; nesa·k o·na še lejeñt?» — «Ne·
sa·!» — «Nu, vot čora·m. Valčki·s tāžt trokska·nza sād. Tāji·vā?»
— «Māks atā·jivā? Valčkiś čokšne·deñt právi·j. Valčki sak va·
nu·ma, tuji li melezét». Liśc i tuś vīcty névesta·ncty. Kua· mo·lā
ra·ngā. Še va·styžā i me·rā: «Māks išta· ra·ngat?» — «Koda ža
tāñ arangums?» O·na še lejeñt troks me·rc valčkiś tā·jimīda
sād». — «Eka dī·vaś; ton matf da udy·k va·lčkis, a valčki·ś
čokšne·deñt právi·j». Tē mać mājlī uš u·duma. Zo·ra· la·rksa
a·ńcik mati·dīš, tāžti·riś štaftyžā i me·rā: «Na vany tā·t mo·
lō·tka i āsk i āza· še ta·rkañti. Jaka·k i stuka·k by·ta oddē·lat,
a kyda· son mala·u sa·my ka·rmā, ton saji·k vany tē ā·skytī i
čast ājsynza byta oddēla·t. Son sy i me·rā: «e·ka vadra·», a ton i

меня?» — «Какъ не ждать? давно ждалъ». — «Вотъ, я пришелъ. Что
скажешь?» — «Что я теперь скажу? Сядись отдохни, да пей чай,
а потомъ можно сказать и дѣльце». Онъ повилъ поѣлъ, отдохнулъ
немного, потомъ всталъ. Старикъ и говорить: «Вотъ что, сынъ мой,
видишь ты вонъ ту рѣку?» — «Вяжу!» — «Ну, вотъ, сынъ мой.
До утра сдѣлай черезъ нее мостъ. Можно его сдѣлать?» — «Отче
не сдѣлать. Утромъ приходи посмотриѣть, поправится ли тебѣ».
Вышелъ и пошелъ прямо къ своей невѣстѣ. Пока идетъ, рыдаетъ.
Та встрѣтила его и говорить: «Что ты такъ рыдаешь?» — «Какъ
миѣ не рыдать? Велѣлъ онъ миѣ построить мостъ вонъ черезъ ту
рѣку до утра». — «Эко диво; ты лягъ и засни до утра, а утро вечеръ
мудренѣе». Этотъ легъ потомъ ужъ спать. Только онъ заснулъ,
зарѣ, дѣвушка разбудила его и говорить: «На, вотъ тебѣ молотъ
и гвоздей и ступай на то мѣсто. Ходи и стучи, будто отдѣлываешь,
а когда онъ станетъ близко подходить, ты возьми вотъ этотъ гвоздь
и ударяй въ него, будто отдѣлываешь. Онъ придетъ и скажетъ
«эко хорошо», а ты и скажи ему: «не хвали во время работы, а

mejt tãŋza: «ila·k kšna tãji·msta, uža· oddē·lasa, dy koda· moñc kšasa·, a šesta ton kšnyk ali šaldy·k». Sadiñt laŋks ila·k nolda·; mejt: «ašči·k vãpe·lã, ila· meša robō·tneķ lomaññiñ. Žardy tãjsa·, mon moñc tãŋta·n». Åsky·ñt čavik, ara·k sadiñt laŋks i stuka·tt pilksyt i kunda·k ba·lasas. Še·sta mejt: nu, ada·. Son sy i karmi vanni·ma. Va·nnysy i meřã: vadřa·, ada· nej mññdãñik; mon šesa·, ton právi·jat; azdasa kiñ brãpsa; a ton i mejt: moñceñ gak a kou tãjñims. Še·sty aži·mary·nza. Šesty son ojma·ftanžat i eščo·robō·ta tãt maksã. Mãšt nefñã, vanny·k; mãšt jo·fiñã, ku·lcynyk». Molc atãñt marta kudyzy·nza. Atãš kava·nižã i me·řã: «vot mãšt, čora·m, ada·ka vannyk paryčy·m: kodama kudy·m, kodama kar·da·zym, kodama sady·m». Vefne·š vefne·š äjsy·nza, vefe·žã vã ta·r·kas, ašči ša·dy ko·leja; koleja·tñiñ prá·sa lo·mañ práť, añcik vãž kiñ laķsa a·raš. Son i me·řã: «nu, vot mãšt, čora·m, ñet vany vãši ton go·ñdatt ulñi·št; nu, kšññ dobōvamã äšt mãšt, a mon uš syřa·n, äsyn

тогда отдѣлаю, да когда я самъ похваляю, то тогда ты хвали или
ишь. На мостъ его не пускай, скажи: «стой въ сторонѣ, не мѣшай
человѣку-работнику; когда сдѣлаю, я самъ тебя позову». Вбей
 гвоздь, стань на мосту и стукни ногами и ухватись за перила.
Тогда скажи: ну, иди. Онъ и начнетъ смотрѣть. Осмотритъ и ска-
жетъ: хорошо, ступай теперь къ намъ, вижу, ты умный; не
знаю, чьимъ умомъ; а ты и скажи: и своего некуда дѣвать. Тогда
ступай съ нимъ. Тогда онъ дастъ тебѣ отдохнуть и дастъ
тебѣ еще работу. Что покажетъ, на то смотри; что расскажетъ,
ты слушай». Пошелъ со старикомъ въ его домъ. Старикъ уго-
стилъ его и говоритъ: «Вотъ что, сынъ мой, ступай-ка осмотри мое
бгатство: какой домъ мой, какой мой дворъ, какой мой садъ». Водилъ
водилъ его, привелъ на одно мѣсто, стоитъ сто кольевъ;
на верхушкахъ кольевъ человѣческія головы, только на одномъ
мѣстѣ. Онъ и говоритъ: «ну, вотъ что, сынъ мой, эти всѣ были
любимы тебѣ; но хлѣба добыть не умѣли, а я ужъ старъ, своимъ
хлѣбомъ кормить не люблю; я вижу, ты парень доплый, и если

kšidä a·ndumañt a·ve·čksa; mon vanca·, ton čora·s do·šlyat
i bidī kšidä andu·man karmat, mon lubo·voj tä·čtirim ma-
ksca tät koža·jkaks, a bidī aka·rmat, mon va·ndyj ža pñat
van' te kole·jañt pñas poŋgafca. Nesak o·na še pandyñt?
— «Nesa!» — «Nu, vot va·lčkis vñri·ñt kñri·k, peñka·ññi
targi·t, a še ta·rkañt soke·k; vñrety·ñt täčt me·lñeča, a so-
ka·fyñt vñdī·k tožzerē·da. Valčkis nuji·k, jaža·ft počt i pañt
pñaka·t. Še·sta mon maksca· tät tä·čtirim; a bidī aka·ññat žyñt
pñaka·t pañi·ms, to pñat kñra·f ulä·». Čora·s tuš i mela·ftä, kosa
šña·rys täjivä. Moč täčtiri·ñti. A täčti·riš i mēä: «Xe! Te mñš
Pa· mela·ft, teñ täjy·ñik. Vot vant, koda täviš tujä». Lñ
jažy·č pañiñi·sa i šñary· lñčäšt šajtatt prok rauža pñl i kañkšñi·č
«ññaks tä·rdimiz?» — «Dy vot te pandyñt valčkis kñri·k targi·t
vñdñk tožzerē·da; täji·da me·lñeča i pečka; valčkis tožzerēñt nu-
ji·ñk, jažyñk i pañi·da pñaka·t. Syñ tuš i karmašt. A čora·
mač. Va·lčki šña·fityä ra·na tä·čtiriš i mēä: «nu, aža· i ašñi

будешь кормить меня хлебомъ, я дамъ тебѣ въ хозяйки свою
дочь, а если не будешь, я завтра же воткну твою голову на вер-
хушку вонъ этого кола. Видишь вонъ ту гору?» — «Видю!» — «Ну,
вотъ до утра сруби лѣсъ, вырой пеньки, а то мѣсто вспаши; изъ
лѣса сдѣлай мельницу, а пашню посѣй пшеницей. До утра сожги
смету муку и испеки пироги. Тогда я отдамъ тебѣ свою дочь,
а если не успѣешь хотя бы испечь хлѣбы, то голова твоя будетъ
срублена». Парень ушелъ и груститъ, гдѣ столько сдѣлать. Пошелъ
къ дѣвушкѣ. А дѣвушка и говорить: «Xe! Это что? Не печалься,
мы это сдѣлаемъ. Вотъ, смотри, какъ пойдетъ дѣло». Вышла, взя-
нула платкомъ и столько слетѣлось шайтановъ, словно черная туча,
и спросили ее: «зачѣмъ ты насъ позвала?» — «Да вотъ на этой
горѣ лѣсъ къ утру срубите, выкорчуйте, засѣйте пшеницей; по-
стройте мельницу и печку; къ утру сожгите пшеницу, сметите и
испеките пироги.» Они ушли и начали (работать). А парень легъ.
Утромъ разбудила его рано дѣвушка и говорить: «Ну, ступай!»

pecka·nít vaksca. Koda·k täta·m samy ka·rmä, ton karma·k kšit·
nín tarksi·mä. Son goda·k mo·lä, kšis kapydi·mä karimä. Ton
kšit ila·k makst kapy·däms tänza; tolkadik grufe i meft: kou
jača·t, mon moné ešco· äzi·n va·rénä. Šit ala·ma i varči·k toné.
Majlä meft: nu, na, varča·k. Dy vo·t mäšt mon dät prika·zan:
son min·k majlä täjsa·miz väši vä čamas; mon ula·n vit krajša.
Koda kākštanžat, mefä: konaš sajsa·k koža·jkaks, ton byta van·
nyk i meft: monđän jala tekä, ɣyt van' te kra·jsynt. Son že·sty i
meft: monđän jaly tekä; ańcik sodē·k ko·lmokšt. Majlä täjsa·miz
n·tkińiks, väši vä po·nasyt, i vant: kyda suvama porō·geń droks
karma·tana, vä·ši kyrina·ftumsta kyrina·ftyt pa·řčtä, a mon prok
pran, zopom tokafca ma·styruu i vant ko·zēń son ara·fcamam.
Majlä kyda kākšta·nžat, ton i meft: va·ny te. Majlä täjsa·miz
go·tkińiks; karma·tana liřta·ma; koda· ara·fńisamiž, karma·tana
vanu·ma väši ša·lınızyt i vant ton ärväɣkiń šalıńiva. Mon doń

стань около печки. Какъ только отецъ станетъ подходить, ты
печи вытаскивать хлѣбы. Какъ только онъ придетъ, онъ начнетъ
браться за хлѣбъ. Ты не давай ему брать хлѣба; толкни его въ
грудь и скажи: куда лѣзешь, я самъ еще не пробовалъ. Отлони
земного и попробуй самъ. Потомъ скажи: ну, на попробуй. Да
вить что я тебѣ прикажу: онъ послѣ того сдѣлаетъ насъ всѣхъ
на одно лицо; я буду на правомъ краю. Когда онъ тебя спроситъ,
скажешь; какую возьмешь въ жены, ты будто осмотри и скажи: мнѣ
все равно, хоть вотъ ту находящуюся на этомъ краю. Онъ тогда
и скажешь: мнѣ все равно; только узнай три раза. Потомъ онъ
сдѣлаетъ насъ утками, всѣхъ одинаковаго вида; и смотри: когда мы
начнемъ переходить черезъ порогъ, всѣ подпрыгивая будутъ пры-
гать хорошо, а я словно унаду, зобомъ коснусь пола, и смотри,
куда онъ меня поставитъ. Потомъ когда спроситъ тебя, ты и скажи:
вотъ эта. Потомъ онъ сдѣлаетъ насъ голубками; мы начнемъ ле-
тать; когда онъ насъ разставитъ, мы всѣ начнемъ смотрѣть въ
твои глаза и ты осмотри каждую по глазамъ. Я глазомъ, который

peľcä šalínim li-patca. Ton žesty i meřt: va·ny te. Mäjlä täjsa·miz pi·šmarǵnyks: ara·fñisamiz vant pi·lgiva, mon pilǵisurym kă·pitca. Ton meřt: vany te. Mäjlä son i ma·ksca mam». Molē pečka·ńt vakse. Ara·ś, sajižä kočerga·nynza i aščä. Vany·j, atä·ś al zy, son i karma·ś kapša·ma tarksi·mä. Atäs koda·ś saś, šedi ku·ryk kapy·diksył kšis. Son koda·k groxa·džä grute i meřä: «Koǵ jaća·t? Nesak, mon eščo·robō·tan, a ton uš kapša·j jarca·ma. Mon mońc eščo äzi·ń varčnä, a ton uš jaća·t». Šlä ala·ma, kaja·ś kurgyzynza i meřc: «nu, na varčak, tuji li melezet täjıǵksym·paıııǵksym». Atäs i meřä: «prävi·jat, prävi·jat, ne znajǵı präǵs' ańcik. «Nu, ada nej, kočka·k äštät neve·sta. Valym mon apo·lafca. Kona· me·lezet tu·jä, šen i saji·k». Koda täǵtıris jol·ne·ś, ista atäs i täjs. Son sodē·žä ko·lmökšt. Atäs maksy·žä täj·tıri·nza, a oda·vant šalini·za praś čoranıt laǵks, mäks son sonza täǵtır äz saj, i duma·ś son juma·ftymyst. Ode·rvas srazu fata·śi

находится на твоей сторонѣ, моргну. Ты тогда и скажи: вонъ та. Потомъ онъ сдѣлаетъ насъ скворцами: онъ поставитъ насъ, ты смотри на ноги, я подниму палецъ на ногѣ. Ты скажи: вотъ эта. Потомъ онъ и отдастъ меня». Онъ пошелъ къ печкѣ. Сталъ, схватилъ кочергу и стоитъ. Видитъ, старикъ подходитъ, онъ и сталъ поспѣшно вытаскивать. Какъ только старикъ пришелъ, то какъ молниеносно скорѣе схватился было за хлѣбъ. Онъ какъ ударить его въ грудь и скажетъ: «куда лѣзешь? Видишь, я еще работаю, а ты ужъ спѣшишь ѣсть. Я самъ еще не пробовалъ, а ты ужъ лѣзешь». Отломилъ немного, положилъ въ ротъ и сказалъ: «ну, на пробуй, нравится ли мое издѣліе, мое печеніе». Старикъ и говоритъ: «ты умный, ты умный, не знаю только чѣмъ умомъ. Ну, ступай теперь, выбери себѣ невѣсту. Я слова своего не измѣню. Которая тебѣ понравится, ту и возьми». Какъ говорила дѣвушка, такъ старикъ и сдѣлалъ. Онъ узналъ три раза. Старикъ отдалъ свою дочь, а нечеха позавидовала на парня, отчего онъ не взялъ ея дочери, и подумала она ихъ погубить. Молодушка сразу догадалась и по

meřä mirdinetyj: «dava-j voręe-ttana», i tajs ko-lma kšin šu-vyrkski i taji-ñst kavy-ñst ti-caks i tušt liffama. Liffa-št liftašt, a avaš va-lčki syrgy-še i meře tä-žtirinetyj: «aži štafty-t». Tä-žtiris moče karkšint vakse i šaręi-ė: «štada-». Väjki šu-vyrkskiš i meřä: «šini-k». Učyšt učyšt, arašt. Kučė ombó-ėä. Maks ašta-tada? — «Šlata-na». Učy-št, učy-št; taga- arašt. Kučė lja-š. Maks ali-štada? — «Orča-tana». Učyšt, učyšt, ara-št. Avaš fa-ta-š. Kodak karkšint gro-žadižä, vany kija-k ara-š i maziža-k išt katt. Kučy-ñžä täžtiringa sasa-myst. Net lifti-t, sasy-t. Ode-r-vaš i me-řä: «kulčynyka; ved šum koda-ma bidä». Čora-š meřä: «maziža-k amara-n». Avaš praš moda-nt laņks i meře: «Al zyt sa-ry-gyn. Mon taja-da-n pastužyks, a moče ula-n řeve-ņeks. Kyda karmit karkšiniñä ä-syt, ton meřt fast: «mon kolėngamiñ kolma gott vana-n te ře-veñeñt äjsa. Tyñdedeņk baška kiņgak ažiñ nek». Čara-št tajašt i veľa-fėt makiј, a net tajiñst taga i tušt liffama. I

жить своему мужу: «давай бѣжимъ», и сдѣлала три хлѣбныя катюшечки, и сдѣлались они оба птицами и поплы летѣть. Летѣли, летѣли, а мать утромъ проснулась и говоритъ своей дочери: «ступай разбуди ихъ». Дѣвушка подошла къ двери и крикнула: «вставайте». Одна катюшечка и говоритъ: «мы встали». Ждали, ждали, нѣтъ ихъ. Послала другую: «Отчего вы не встаете!» — «Мы моемся». Ждали, ждали, опять ихъ нѣтъ. Послала другую: «Отчего вы не выходите?» — «Одѣваемся». Ждали, ждали, нѣтъ ихъ. Мать догадалась. Какъ ударить въ дверь, видитъ—никого нѣтъ, и ничего они не оставили. Она послала дочерей догонять ихъ. Эти летить, догоняють. Молодушка и говоритъ: «послушай-ка; вѣдь какой-то будто шумъ». Парень говоритъ: «я ничего не слышу». Женщина припала къ землѣ и сказала: «Приближаются мои сестры. Я сдѣлаю тебя пастухомъ, а сама я буду овечкой». Когда станутъ тебя спрашивать, ты скажи имъ: «я тридцать три года пасу эту овечку. Кромѣ васъ я никого не видѣлъ». Повертѣлись и вернулись назадъ, а эти сдѣлались опять (птицами) и полетѣли. И прилетѣли

liffäst kudug fäfanetyj i karmašt ära·ma išta šupa·usta dy päččä, a jo·ftävi jak. Mon kecěst ulñi·ñ, mä·ttä bra·gada šimi·ñ, turvam larğa čudışt, a kurgy·zyn äšt petñä ja·k.

Joḡks.

Ärä·št a·ščišt ata·t ba·bat. Afä·ñ ba·bañ ulñi·št kolma ča·ra·nza. Kaftyñä prävižt, kelmö·čes dura·k, läñi·za Eme·la. Ärä·št ärä·št, ava·s kuly·s. Ä·räs a·ščiš tätä·s kak, kuly·s. Äri·t tri bra·ta: po·kšnä kavyñi·st urva·kstuft, a viški·ñiš apa·k. Dura·kñiñ kij mo·lä? Išta·k i ä·rä, päñk kä·čä, väd ka·ndä, kop ku·čeyž, toḡ mo·lä. Väšt urä·žyza kuči·žä väc. Vädi·s ulñi·s ti·ma·sa. A ru·daz u·ñiñ po·raš. Kuči·ž väc. Son i molč tišma·ñi karma·s amy·ldama, vancy. Tišma·syñt kal. Son še ka·lyñt ku·dyžä, ta·rgižä. Še ka·lys i ko·rtä tä·nza loma·ñks: «Eme·la, mol-

въ домъ къ отцу его и стали жить такъ богато и хорошо, что и не расскажешь. Я былъ у нихъ, пилъ меду и браги, по губамъ текло, а въ ротъ и не каннуло.

Сказка.

Жили были старикъ и старуха. У старика и старухи было три сына. Двое умные, третій дуракъ, по имени Емеля. Жили, старуха померла. Жилъ пожилъ и старикъ, померъ. Живутъ три брата; старшие оба женатые, а младшій нѣтъ. Кто пойдетъ за дурака? Такъ и живетъ, рубить дрова, носить воду, куда пошлютъ, туда идти. Однажды невѣстка послала его за водою. Вода была въ родникѣ. А была грязная пора. Послали его за водою. Онъ и пошелъ къ роднику, началъ черпать, видитъ въ родникѣ рыба. Онъ поймалъ эту рыбу, выгандилъ. Эта рыба и говоритъ ему по·человѣчьи: «Емеля, пусти меня назадъ въ воду.»

da-mak moñ mǎ·kij vǎ·dĩnti. Mon moñc tǎt pary tǎ·jan». — «A mǎ·zi ton moñdǎ·n tǎ·jat?» — «Mǎ·zi xočeš, šeñ i tǎ·jan. Anćik mejt: pa ščuċjemu velenju, a moñ pro·žbasa, vot še tǎ·viš tǎji·viza, i tǎvi·š xyt ko·damys soñc tǎji·vǎ». Eme·la šaji·žǎ noldo·žǎ še ka·lynt i me·rǎ: «pa ščuċjemu velenju, a moñ pro·žbasa vedra·t a·žida kudu·q». Vedra·tǎǎ kǎpi·ct i tušt. Mele·zenza pa·ra, a urvatǎ ta·ndaet i kǎġksni·t ǎsynza: «Koda· ista vedra·tǎǎ synć našt?» — «Mon ja·ly ista ka·rman». Kući·ž sonza· pǎġgi·n kǎ·ra·ma. A son liśc i me·rǎ: «pa ščuċjemu velenju, a moñ pro·žbasa pǎġk tyñc kǎrci·vida i tyñc vačka·vyda». Kučsy·ž kuduz sua·f·nǎǎ. Son kǎ·ġkšint pa·něcy i me·rǎ: «pǎġk, tyñc suva·da». I syn ǎvi·t. I synć peckas vačka·vit. Eme·lǎñ tǎvi·za pa·ra. Aščǎ peč·la·ġksa, anćik ja·reǎ da u·dǎ. Vǎdi·za so·ñc sy, pǎġgi·nza synć kǎrci·vit i ku·c suvit i pečka·s vačkavit. A son a·nćik udǎ·i udǎ·. Kućy·t ǎsy·nza vǎri·j pǎġks. Son liśc karda·zuq, oza·s nurc i me-

сама сдѣлаю тебѣ добро». — «А что ты мнѣ сдѣлаешь?» — «Что хочешь, то и сдѣлаю. Скажи только: по щучьему велѣнью, а по моей просьбѣ, пусть сдѣлается то дѣло, и дѣло, хоть какое оно ни-будь, сдѣлается само собою». Емеля взялъ, выпустилъ ту рыбу и говоритъ: «по щучьему велѣнью, а по моей просьбѣ, ступайте, ведра, домой». Ведра поднялись и пошли. Ему пріятно, а невѣстка испугалась и спрашиваютъ его: «какъ такъ ведра сами пришли?» — «Я всегда такъ буду дѣлать». Послали его рубить дрова. А онъ вышел и говоритъ: «по щучьему велѣнью, а по моей просьбѣ, дрова сами вы разрубятся и сами сложатся». Пошлютъ Емелю внести дровъ въ домъ. Онъ отворить дверь и скажетъ: «дрова, сами вы войдите». И они войдутъ. И сами они складываются въ печь. Емелѣ дѣло его пріятно. Сидитъ на печкѣ, только ѣсть да спать. Его жена сама приходитъ, его дрова сами рубятся и входятъ въ домъ и складываются въ печку. А онъ только спитъ и спитъ. Посылаютъ его въ лѣсъ за дровами. Онъ вышелъ на дворъ, сѣлъ въ сани и говоритъ: «по щучьему велѣнью, а по моей просьбѣ, вы, сани, пой-

fä: pa ščučjemu velenju, a moň pro-žbasa, nurt mole-da ty-š
 vírij, i nurnä-tica-ks tušt vírij, pro-sta lifta-ž lifti-t. Sa
 vírij i merä: «pa š. v., a moň pro-žbasa, vír toňc kära-ñ
 toňc vačka-ft i toňc šulmaft». I vačka-ñs i šulma-ñs išta-myška
 voz, a jo-ftavä jak pokš. Oza-š son vo-zen pfa-s i merc: «pa š. v.
 a moň pro-žbasa, nurt murda-da mä-kij kudu-ñ». I nurnä-šče-
 la-ks tušt lifta-ma. Eme-la išta-karma-š jakši-mä vírga- i be-
 za-rga. Lala-nza kuca ara-šilt, väpe-lä ro-botašt. Son väšt
 ví-řeta. Naro-d ulñi-š la-ma u-leasa i čotili kunda-mynza. Son tš
 äž gi-rđiñ i tapa-š žary-ja naro-d. Šesta-mařa-s ästy-nza ina-zyr.
 I kuččt mälga-nza. Sašt mälga-nza. A son aščä pečkala-ñksa, u-ñ
 Karma-št äsy-nza štaftu-ma. Son a ští. Urä-žynza käñkšii-ñ
 ma-ñiñ ä-sa: «koñ täreçñk, mä-ks štafcyñk?» — «Ina-zyr, kē
 fä-rđižä; a-t, žary naro-d tapa-š, vanu-manza čočet, mä-jin išta-ñ
 lomañ a-laštaftu-ma ja-kä. Eme-la i merä täst: «azi-da, mon son

дите сами въ лѣсъ», и сани какъ птица ушли въ лѣсъ, просто летя
 летятъ. Пришелъ онъ въ лѣсъ и говорить: «по щ. в., а по мое
 просьбѣ, лѣсъ, ты самъ нарубись, и ты самъ сложиись, и ты самъ
 свяжись». И сложился и связался такой возъ, нельзя сказать кака
 большой. Онъ сѣлъ на верхъ воза и сказалъ: «по щ. в., а по мое
 просьбѣ, вы, сани, вернитесь назадъ домой». И сани какъ стрѣ
 пошли летать. Емеля сталъ такимъ образомъ разъѣзжать по лѣсу
 базару. Братьевъ его не было дома; они работали на стороне
 Однажды онъ возвращался изъ лѣса. Народу было много на улицѣ
 и его хотѣли поймать. Они не могли его удержать, и онъ потон
 талъ много народу. Тогда услышалъ о немъ царь. И послалъ
 нимъ. Пришли за нимъ. А онъ лежитъ на печкѣ и спитъ. Слы
 будить его. А онъ не встаетъ. Невѣстки его спрашиваютъ у де
 дей: «куда вы его зовете, для чего будите?» — «Царь, говорит
 позовалъ его; вотъ сколько народу онъ потонталъ, хочеть посмо
 трѣть его, что за такой человѣкъ, (который) ѣздитъ безъ лошадей
 Емеля и говорить имъ: «ступайте, я приду». Тѣ вышли и уви

Net lišét i tušt. A so·n ašči i udä· pečkala·ŋksa. Ufä·žynza kar·ma·št tänza eña·lkšnuma: «azä·, Eme·la, ata čumy·spongat; mi·nik kak čumynca·miz to·n ġis, mäsks toñ mññ kirdi·diž. Ton toñc me·reš, šty mola·t». — «Mon ġäñi·fan!» Do·nez uräžy·nza. Son i meřa: «p. š. v., a moñ pro·žbasa, pe·čka kandu·mak iña·žyryñt i·kilij, victa kudyzy·nza». Pe·čkaš syrga·š i tuš burka·laks lifta·ma i lotka·š vi·eta iña·zyryñt i·kilij. Iña·zyrys še ška·nä ulñi·š täχti·finza ma·řta. Eme·la neje·žä täχtiri·nza i pek uš mele·zēnza tuš. I ko·rtä sala·va: «pa š. v., a moñ pro·žbasa, te täχti·riš uli·za moñ koža·jkam». Iña·zyrys karma·š Eme·län kākšñi·mñnza, koda· son išta· jakä· viři·j alašaftu·ma nu·rea, päŋgi·nza syñc käre·vit, vedra·nza sy·ñc jaki·t. Saš soñdä·nza pečkala·ŋksa, a son i kortä· tänza: «ton avy·l šeñ kä·ñkšñik, koda mo·n jaka·n, a maksy·k moñdä·ñ täχti·rit koža·jkaks». Iña·zyrys pek kežē·jafc lažyzy·nza i karma·š soñno·mōnza, a iña·zyryñ täχti·riš i meřa: «tāta·j, ilä·k soñna, mo·n mola·n tänza koža·jkaks; a biđä ama·-

А онъ лежитъ и спитъ на печкѣ. Невѣстки начали просить его: «ступай, Емеля, а то попадешь въ вину; и насъ обвинять за тебя, вѣдь мы тебя удержали. Ты самъ сказалъ, что пойдешь». — «Я успѣю». Одолѣли его невѣстки. Онъ и говорить: «по щ. в., а по моей просьбѣ, ты, печка, принеси меня передъ царя, прямо въ его домъ». Печка поднялась и пошла летѣть какъ... и остано-вилась прямо передъ царемъ. Царь въ это время былъ со своей дочерью. Емеля увидѣлъ его дочь, и очень она ужъ ему понравилась. И говорить потихоньку: «по щ. в., а по моей просьбѣ, да будетъ эта дѣвушка моей женой». Царь сталъ спрашивать у Емели, какъ онъ такъ ѣздитъ въ лѣсъ на санихъ безъ лошади, какъ дрова сами рубятся, ведра сами ходятъ, какъ онъ пришелъ къ нему на печкѣ. А онъ и говорить ему: «ты не спрашивай о томъ, какъ я ѣзжу, а дай мнѣ твою дочь въ жену». Царь очень разсердился на него и началъ его бранить, а царская дочь и говорить: «батюшка, не брани его, я пойду къ нему

kscamak, mon prám poça-sa». Ina-zyrys karma-s tä-χtiriñt ä-sa korta-ma; täχti-riś täñza äž la-daḡ. Saśt kežë-nža, sa-jiža Eme-län tä-χtiriñt ma-ṛta, puty-ñžä bo-čkas, pekste-ñžä tožë-ñ, smo-la-ftyžä bočka-ñt i nolda-ftyñžä mo-ṛas, i juma-št be-ž višti ina-zyryn tä-χtiriś Eme-la ma-ṛta ina-zyryn i-kildä. I duñi ina-zyrys, śnarc syn kuly-št. No syn äšt ku-la. Eme-la tosa udä i udä. Nu, ina-zyryn täχtiri-ñti täjiñs tosa du-šna bo-čkasyñt. Karma-s Eme-län štaftu-ma; kojka-k syrgy-śc i sa-lava meit «p. š. v., a moñ pro-žbasa; bo-čka liśt o-strouys pa-ra ta-rkiñis še-dä, i šežeft tožë-j». Bočka-s liśc o-strouys i šeže-ñs. Syn liśc bo-ka-styñt. Ina-zyryn täχti-riś vanä- kosēja-k māžija-k ara-ś, a-čik viir i viir. I me-la-ftä, koda- nej kariñi-t tesa ära-ma i māžä kariñi-t jarca-ma. A-vařdä i vanä. Eme-la laḡks. A Eme-la i škañä salava i ko-ṛtä: «p. š. v., a moñ pro-žbasa, täji-ýiza tožë-ku-da i-štama, koda-ma kosēja-k ara-ś, i uli-st fe-sa išta-ti sh-

въ жены; а если ты не отдашь меня, я себя повѣшу». Царь началъ уговаривать дочь; дѣвушка не поддавалась ему подъ ладъ. Онъ разсердился, схватилъ Емелю вмѣстѣ съ дочерью, положилъ ихъ въ бочку, заперъ туда, осмолилъ бочку и пустилъ ихъ въ море, и исчезли безъ вѣсти съ глазъ царя Емеля вмѣстѣ съ царской дочерью. И думаетъ царь: теперь ужъ они умерли. Но они не умерли. Емеля спитъ тамъ и спитъ. Ну, царской дочкѣ сдѣлалось тамъ душно въ бочкѣ. Начала буждъ Емелю, кое-какъ онъ проспнулся и потихоньку говоритъ: «по ш. в., а по моей просьбѣ, ты, бочка, выйди на островъ, на самое лучшее мѣсто, и тамъ лопни». Бочка вышла на островъ и лопнула. Они вышли изъ бочки. Царская дочь видитъ, что ничего нѣтъ, только лѣсъ и лѣсъ. И груститъ о томъ, что они будутъ тамъ жить и что будутъ ѣсть. Плачетъ и смотритъ на Емелю. А Емеля въ это время потихоньку и говоритъ: «по ш. в., а по моей просьбѣ, пусть сдѣлается здѣсь таковъ домъ, какого нигдѣ нѣтъ, и пусть будутъ тамъ такіе сны».

ga-t, koda-tt iña·zyryńt kak ara·śt. Vot iña·zyryń tǎχti·riś i kortǎ Eme·lańiń: «koda·nej, korma·j, karma·tana āra·ma i ko·sa?» A Eme·la i kortǎ tǎ·nza: «vēla·fta mǎki·j i vanta·koda·myška ku·dynyk». Tē vē·lafē. Pravdyj, iśfa·myška āščā ku·da, pačk ne·ja. I iśčt tosta·mĩnińžu·nyń sluga·t i čora·t i tǎχti·řt i ava·t i vǎsi ťuky·ńakšnyt i čna·lkšnyt tǎ·st, suva·st kudy·ńti. Net tuśt kudy·ńti, Eme·la iña·zyryń tǎχti·rińt ma·řta. A sluga·tnǎ mole·t kona·t iki·řǎ, kona·t uda·la, kona·t boka·va. Suwa·śt ku·dynĩti, a to·sa potmō·za iśfa·myška va·ďra, a du·mařǎ a šo·rmaďuřǎ jak, a·ńčik jo·uksca jofta·řǎ; vǎsi pačk zolōčeny, źerka·latnǎ kǎřkšyřkat. Oza·śt syń stořekšč, i sluga·tnǎ karma·śt kǎřkšni·mĩst, mǎ·ži tǎst řřǎ·vi řĩni·ms jarcams. Eme·la řǎšč āřta·nza kapstaja·m da řre·čǎń ka·ša dy řečka·sa ři·ďřĩ ka·tfa. A iña·zyryń tǎχti·riś řeřē: «dava·jti mońǎń mǎžiřk ulǎ řǎsi». I Vo·spodi! mǎžǎ·āřt ka·nt, ańčik na·rmyń lo·fca a·rařĩř. řĩmřt jarcā·śt i meře·zēst pa·ra

какихъ нѣтъ и у царя». Вотъ царская дочь и говорить Емелѣ: «какъ мы теперь, кормилецъ, станемъ жить и гдѣ?» А Емеля и говорить ей: «обернись-ка назадъ и посмотри-ка, каковъ у насъ домъ». Та обернулась. На самомъ дѣлѣ, стоитъ такой домъ, все насквозь видно. И вышли оттуда разные слуги и юноши и дѣвушки и женщины, и все кланяются и просятъ ихъ, чтобы они вошли въ домъ. Они вошли въ домъ, Емеля вмѣстѣ съ царской дочерью. А слуги идутъ, которые спереди, которые сзади, которые по бокамъ. Вошли въ домъ, а тамъ внутренность его такъ хороша, что не придумаешь и не опишешь, только въ сказкѣ можно рассказать; вся насквозь позолоченная, зеркала какъ зери. Сѣли они за столъ, и слуги начали ихъ спрашивать, что имъ надо пить и ѣсть. Емеля попросилъ себѣ капустныхъ щей да гречневой каши да картофеля, испеченнаго въ печкѣ. А царская дочь сказала: «давайте мнѣ все, что у васъ есть». И Господи! чего они не принесли, не было только птичьяго молока. Пошли и поѣли и имъ (стало) пріятно, и легли отдыхать. Цар-

i mačt ojme·señä. Iña·zyryñ tä·čtiriš avy·I kuvat u·dys. Štaš tošna· tä·nza mařä·vä. A Eme·laza u·dä. Tošna·nza a ki·marta ko·řtams. I karma·š son Eme·lanza šta·ftuma. Še a šti. «Mäšt štakšnan?» — «Štak, kořta·tana!» — «Mäšt kořta·tana? Kšy·t ulä, jarca·k šimt mäždä žočeš, mäži tät ä·řavä väšt, maksy·t, a moñ udu·mam saš. Udumam jä·vä, šesta štan. A nej mäšt štakšnan». Äri·t či, äri·t ka·fta, äri·t syñ i god. Eme·lan jal' udu·maza aja·vä, a iña·zyryñ dä·čtiriš či ju·taž tošna·za ja·la pñba·vä. Karma·š son Eme·la lařks peña·čama. Vot äri·t išta god i ka·fta. Iña·zyryñ dä·čtiriš ja·la me·la·ftä, a še ja·la u·dä. Väš iña·zyryñ dä·čtiriš močé Eme·laniñ i karma·š a·vardiž tanga eña·lduma: «Šta·k, Eme·la, ostatka·da eña·ldan tät. Täjik tä·šä kona·ñ mon pełde·t väšca·, a mäjlä· udy·k koda tät pa·ra; väš kak ašta·ftan». Te řranzy käpi·dižä i käřksnä: «Mä·ži tät? «Mä·jiñ pro·žba, mäži tät äřä·vi tä·jims?» — «Dy vot mäži· täčt mořä·ñt troks säd». Te sa·lava i meřä·: «p. š. v., a moñ pro·žba».

ская дочь спала недолго. Встала, ей кажется скучно. А ея Емелю спить. Не съ кѣмъ разговорить свою тоску. И начала она будить своего Емелю. Тотъ не встаетъ. «Зачѣмъ я встану?» — «Встань, поговоримъ». — «О чемъ будемъ говорить? Хлѣбъ у тебя есть, ѣшь и пей чего хочешь, чего тебѣ нужно попроси, дадутъ, а мнѣ хочется спать. Пройдетъ сонъ, тогда встану. А теперь зачѣмъ встану?» Живутъ они день, живутъ два, живутъ онѣ три годъ. У Емели все не проходить его сонъ, а у царской дочери съ каждымъ днемъ все прибавляется тоска. Начала она петь на Емелю. Вотъ живутъ они такъ годъ и два. Царская дочь не груститъ, а тотъ все спить. Однажды царская дочь подошла къ Емелѣ и начала со слезами просить его: «Вставай, Емели, въ послѣдній разъ прошу тебя. Сдѣлай дѣло, которое я попрошу у тебя, а зачѣмъ спи какъ тебѣ угодно; ни разу тебя не разбужу». Этотъ поднялъ голову и спрашиваетъ: «Что тебѣ? Чего за просьба, что надо сдѣлать тебѣ?» — «Да вотъ что: сдѣлай мостъ черезъ море». Этотъ потихоньку и говоритъ: «по шлю».

basa taji·viža mořán tro·ks šiján säd' zolöče·nyj čep vä·ldä». I tä·
jiš mořán tro·ks ši·jān säd; zolöče·nyj čep vä·ldä nu·rgä. I tuš
inä·zyryñ dā·ž tiriš sädga·nt gulā·jama. A Eme·la štā·ś i karma·ś
mälga·nza vannu·ma, ila·za pra kodaja·k vä·c. Vané vané mä·l·
ganza; kuac a·ščiš. Inä·zyryñ dā·ž tiriš vëla·fé mä·kij. Eme·la
vancy. — ä'zy. inäzyryñ dā·ž tiriš, i son tuji·ksyl'madi·mä. Vancy.
iki·linza lo·mañ i vanä·vi·cta äzynza. Te väñfti·žä ke·denza,
še·jak väñftižä, te čara·ftyžä pñanza, šeja·k čara·ftyžä. Te i du·
mä: «mä·jiñ te loma·ñ, sluga·t išta·tt arašt ku·cynza, pek uš
ama·zyj, pñaza po·ndakš, a suma·tñä prok so·nza. I poŋks pana·
rynza išta·tt, kařinza jak išta·tt», i vanä·žerkala·vañt i duñä:
«äka, koda·myška ama·zyj te loma·ñiś, mon avylinä nek kak».
Te škañä suva·ś inäzyryñ dā·ž tiriš i duñä: «vanta·, koda· son
syrgaš apak štaft», i käükšti·žä: «Koda·ton, kořma·j, štít? Älä
kija·k štafty·ñžit?» — «Mon mälga·t vany·ñ». — «Mäšt va·nyť?»

а по моей просьбѣ, да сдѣлается серебряный мостъ на золо-
ченой цѣпи черезъ море». И сдѣлался черезъ море серебряный
мостъ; онъ виситъ на золоченой цѣпи. И пошла царская дочь
гулять по мосту. А Емеля всталъ и началъ смотрѣть за ней, что-
бы она не упала какъ-нибудь въ воду. Смотрѣлъ смотрѣлъ за ней;
долго онъ стоялъ. Царская дочь вернулась назадъ. Емеля видитъ —
подходить царская дочь и онъ пошелъ было лечь. Видитъ — передъ
нимъ человѣкъ и смотритъ прямо на него. Этотъ протянулъ руку,
и тотъ протянулъ. Этотъ повертѣлъ головой, и тотъ повертѣлъ.
Этотъ и думаетъ: «что это за человѣкъ, слугъ такихъ нѣтъ въ его
домѣ, очень ужъ онъ некрасивый, голова его лохматая, а зипунъ
словно его. И штаны и рубашка такіе же, и лапти такіе же, и
смотреть въ зеркало и думаетъ: «эка, какой некрасивый этотъ
человѣкъ, я бы и не смотрѣлъ на него». Въ это время вошла
царская дочь и думаетъ: «смотри-ка, какъ онъ проснулся безъ
того, чтобы его будили», и спросила его: «какъ ты, кормилецъ,
всталъ? Или кто-нибудь тебя разбудилъ?» — «Я смотрѣлъ за то-

— «Pälin, vany·n avy·lit pra od sädiñt la·ŋksta». — «A nej mäšt tä·jnat? Mäšt žerkala·styñt va·nnat?» — «Vana·n, mä·jin še lo·ma·n to·sa. Pëk už ama·zyj». — «Da še ton, toñcet čama·t tosta nesä·k». — «Neuže·ti mon ištam' ama·zyjan?» — «Da, išta·mata. Še·sta son i mërë pëk: «p. š. v., a moñ pro·žbasa, uli·zan moñ mazyj i prá·vij»; i täji·ŋs mazy·j, ajofta(v)u·maška mazy·j i prá·vi·j. I karma·št äfa·ma pa·fëtä. Äfi·t ašči·t i vany·t, moñtät la·ŋks, jaki·t gula·jama. Vä ška·nä vany·t — sy kara·bä. Sä sä·diñt vakse, möle·ms tä·nga a ko·ŋ. Vot i dívä·, kosta te sädi·s saji·ŋs i mërä sluga·ncty: «li·šta sä·diñt la·ŋka, a·žika bërekoŋ i käŋkšta·tosta·, kodama ina·zyryñ te sädi·s. Sluga·s lišë sädiñt la·ŋks i tuš äzganza bë·rekoŋ. Säš bë·rekoŋ, a bëre·ksëñt aščä· išta·myska kuda·, vä·ši çrusta·luy. Pa·čk nejä. Suwaš äjzy·nga i käŋkšnä: «koda·ma ina·zyryñ te kudy·s», a Eme·la i mërä tä·nga: «a ton kija·t loma·ñä»

бой?» — «Чего ты смотришь?» — «Я боялся, смотрел, чтобы ты не упала съ нового моста». — «А теперь что ты делаешь? Что ты высматриваешь въ зеркаль?» — «Я смотрю, что это тамъ за человекъ. Ужъ очень некрасивый». — «Да это ты, ты видишь оттуда твое собственное лицо». — «Неужели я такъ некрасивъ?» — «Да, ты такой». Тогда онъ и сказалъ громко: «по шучьему велѣнiю, а по моему просьбѣ, пусть буду я красивый и умный», и сдѣлался красивымъ, несказанно красивый и умный. И стали жить хорошо. Живутъ и живутъ и смотрятъ на море, ходятъ гулять. Однажды видятъ — подходит корабль. Подошелъ къ мосту, идти ему не куда. Вотъ удивляется, откуда этотъ мостъ взялся, и говорить слугѣ своему: «выходи-ка на мостъ, ступай-ка на берегъ и спроси-ка тамъ какого царя этотъ мостъ». Слуга вышелъ на мостъ и пошелъ по нему на берегъ. Пришелъ на берегъ, а на берегу видится такой большой домъ, весь хрустальный. Насквозь виденъ. Вошелъ въ него и спрашиваетъ: «какого царя этотъ домъ?». Емеля и говоритъ ему: «а ты кто такой за человекъ, откуда ты

kosta syt teze·ń?» — «Dy mon vot i·štamy ińa·zyryń», karma·ś joffneńa sa·maj še ińa·zyryńt ä·sa, kona· sonza bočka·s puty·žä. «Kou jaki·dä?» käükšnä· äsy·nza Eme·la. «Dy jaki·nik väši car·stvańiń vanu·ma. Pa·čkydĩnik tej, vanta·na säd', a ju·tavat. Ińa·zyrym kučy·mĩń tej käükštimä, kiń de sädi·s i štoby mĩni·k al·ganza nolda·pĩmiz». — «Mon ano·ldatadyž, a mერთ ińa·zyryti, kadık tej zy». Te tuš mäkij kara·blaŋ i jofta·ś ińa·zyryncy. Ińa·zyrys iśc i tuš; molc Eme·lāńiń, šukynäs fānza, zdoro·vakš·nyš ma·rynza. Te oza·ftyžä stole·kšc i karma·ś kava·ńamynza. Kava·ńižä pa·rcťä i karma·ś käükšni·mĩnza: «kija·t, kou mola·t, kou jaki·t, mäsť jaka·t, ulit li äjdĩ·t i žary äjdĩ·t». Väši käükš·nińžä. Son fānza jala o·tvečä: «Jakiń mastyrļa·ŋga, mastyryń vanu·ma, gořa·n juma·fĩmā». — «Da mājĩ·ń la·ŋgyzyt go·ra? Ton ińa·zyryt, väšimä tarka·t u·lä». Te i mერთä: «Vot koda·my go·řam. Uĩni·ś vä·žkā tǎžti·řim». — «Nu štožy, ulĩni·ś?» — «I

пришелъ сюда?» — «Да я вотъ такого царя», началъ онъ разска·зывать о томъ самомъ царѣ, который положилъ его въ бочку. «Куда ѣздили?» спрашиваетъ его Емеля. «Да мы ѣздили осматри·вать всѣ царства. Подошли мы сюда, видимъ мость, не перейдешь его. Мой царь прислалъ меня сюда спросить, чей это мость и чтобы насъ пустили (пройти) подъ нимъ». — «Я не пушу васъ, а скажи твоему царю, чтобы онъ пришелъ сюда». Этотъ пошелъ назадъ на корабль и сказалъ своему царю. Царь вышелъ и пошелъ; пришелъ къ Емельѣ; поклонился ему, поздоровался съ нимъ. Этотъ посадилъ его за столъ и началъ его угощать. Угостилъ хорошо и началъ спрашивать его: «кто ты, куда идешь, куда ѣздилъ, за·чѣмъ ѣздишь, есть ли у тебя дѣти и сколько у тебя дѣтей?» Обо всемъ спросилъ его. Онъ ему все время отвѣчаетъ: «Я ходилъ по свѣту, осматривать свѣтъ, погубить горе свое». — «Да что за горе на тебя? Ты царь, у тебя все есть». Этотъ и говоритъ: «Вотъ каково мое горе. У меня была одна дочь». — «Ну, что же была». — «И вотъ у насъ тамъ нашелся такой дуракъ Емеля,

vot mīni·k tosa· mujiūs išta·ma dura·k Eme·la, karma·ś alašaf·tu·ma jaka·ma, karma·ś narodēn tapa·ma. Mon tārđi·nā so·nza āstān». — «Son nejga·k toñ ġeča āfā?» — «Ara·ś, kulecnyk! Son saś moñdā·n pēckala·ḡksa, i tā·ḡti·rīm karma·ś čija·mynga. Tā·ḡti·rīm karma·ś soñdānza mole·mā. Moñ keže·n sašt. Sa·jiñ dy kavyni·st bočka·s smoła·ftyñ i moja·s no·ldaftyñ». — «A avyl žaļt ulñišt tāt?» — «Še ška·na torōḡ avyl žaļt». — «A nej?» — «Nej pek žaļ tā·ḡtirim. Vot kady·nā vāši ca·rstvam i tuji·n švetka·nīt gofa·m straŋni·mā». — «A Eme·lān nej vanu·ḡlik?» — «Mā·št vannan laḡgyzy·nza? Son tā·ḡti·rīm jumaftu·ftyzā». — «Tā·ḡtirīt vanu·ḡlik?» — «Ko·sta va·ncak? Songa lovaža·nza jašnare kaļt sāviž». — «A ješli bā a·vyliž sāv? Ješli bā son tesu·liñ, vanu·ḡlik?» — «Ješčo by a·vyliñā van. Vā·ši parḡcy maksu·ḡliñā da vanu·ḡliñā». — «Ila·k ma·kšnā. Mon dāt i·šal ġeča·». Te praš kole·nka la·ḡks i karma·ś eña·lduma. Te saji·n

началъ ѣздить безъ лошадей, началъ топтать народъ. Я позвал его къ себѣ». — «Онъ и теперь живетъ у тебя?» — «Нѣтъ, слушай! Онъ пришелъ ко мнѣ на печкѣ, и сталъ сватать мою дочь. Дочь моя начала (собираться) идти за него. Я разсердился. Взяв да засмолилъ обоихъ въ бочку и пустилъ въ море». — «А тебѣ не было ихъ жалъ?» — «Въ то время совсѣмъ не было жалъ». — «А теперь?» — «Теперь очень жалъ мою дочь. Вотъ я бросилъ все царство мое и пошелъ по свѣту разсѣять мое горе». — «А Емелю ты бы хотѣлъ теперь увидѣть?» — «Что я буду смѣтрѣть на него? Онъ погубилъ мою дочь». — «А свою дочь ты бы хотѣлъ увидѣть?» — «Гдѣ ее увидишь? И косточки ея теперь уже поѣли рыбы». — «А если бы онъ ея не съѣлъ? Если бы она была здѣсь, ты бы хотѣлъ ее увидѣть?» — «Ее бы не хотѣть ее видѣть! Я отдалъ бы все имущество свое, если увидалъ бы». — «Не отдавай. Я тебѣ даромъ покажу». Это упалъ на колѣни и началъ упранивать. Этотъ взялъ и подалъ ему его дочь. Онъ очень ужъ обрадовался. Отецъ

i ñeſte-zä tãnga tãŕtĩri-nza. Son pek uš radu-vaš. Karma-št tä-tä tã-ŕtĩŕt ava-rdĩmä i päjdĩ-mä. Mäjlä täťäs i käñkštižä tãŕ-tĩŕt: «Koda ton teze-ñ godä-vit? A ko-sa še dura-kyš?» — «Dy miñ teskta-na ka-vyñik». — «Dy ko-sa son?» — «Da te sama-j son!» — «Ara-zdä te son?» — «Son». — «Ko-da son išta-täji-ñs?» — «Išta-mašć». Še-sta ina-zyrys karma-š prošće-nijän väšimä Eme-län Kecta. Mĩřa-št, mã-jli gulä-jašt ki zda-sy žare. Mäjlĩ ina-zyrys tuš ku-dug, a syñ karma-št te-sa ära-ma parćtä. Karma-št pa-ra ala-šan Kĩrdĩmä i karma-št äsy-st vėzde-aŕŕĩni-mä. Vãška--ñä ardy-t vi-ŕga i maŕa-syž viŕcy-ñt loma-niñ va-lgij, prok kija-k äsy-nza gra-bä ä-lä Kinza-juma-ftyžä. Son lotka-š i kučy-zä sluga-nza: «Ažika-mujika-, mãšt son pi-žñä». Te tuš. Aŕŕĩniš, aŕŕĩniš vi-ŕgañt, muš ka-fta lomatt i käñkšñä-ä-syst: «tyñ mã-jĩñ loma-ttada?» — «Dy miñ, brat, plutä-jäviñik. Uŕt pary lo-man, lĩtĩ-miž poža-lyjsta kila-ŕks. Ñeŕt täñik kozė-ñ lĩši-ms, koda-by täñi-k vača akulu-ms». Son saji-ñžä i vefe-ñžä azy-rynza vaksc.

дочь начали плакать и смѣяться. Потомъ отецъ и спросилъ дочь: «Какъ ты сюда попала?. А гдѣ тотъ дуракъ?» — «Да мы здѣсь оба». — «Да гдѣ онъ?» — «Да это самый онъ!» — «Развѣ это онъ?» — «Онъ». — «Какъ онъ сдѣлался такимъ?» — «Онъ такъ сумѣлъ». Тогда царь началъ просить прощенья у Емели. Помирлись, потомъ погуляли, кто знаетъ сколько. Потомъ царь отправился домой, а они начали здѣсь хорошо жить. Начали держать хорошихъ лошадей и начали вездѣ на нихъ ѣздить. Однажды скачутъ по лѣсу и услышали въ лѣсу человѣческій голосъ, точно кто кого грабитъ или кто дорогу свою потерялъ. Онъ остановился и послалъ своего слугу. «Ступай-ка поищи-ка, чего онъ кричитъ». Этотъ пошелъ. Ѣздилъ, Ѣздилъ по лѣсу, нашелъ двухъ людей и спрашиваетъ ихъ: «вы что за люди?» — «Да мы, братъ, заблудились. Будь добрымъ человѣкомъ, выведи насъ пожалуйста на дорогу. Покажи намъ, куда выйти, какъ бы намъ не помереть голодными». Онъ взялъ и повелъ ихъ къ своему

Azy-rys va-nä langy-zyst i sodë-nžä ka-vynist. I karma-s äsy-si kãũkšni-mä. «Tyñ ko-stëntada? Mä-št tija jaka-tada?»—«Miñ va-sy-ldynfana. Miñ jofta-synik, mäšt tija jaka-tana i kit miñ loma-tä. Miñ muži-ktana. Mi-nik äjsta ulñi-št tñi bra-ta. Täta-nyk ava-nyk miñi-k ka-vynik urva-kstyliž, a kolmöceš ulñi-s sedī od i pelepñu. Son isfa-k kadu-uš. I ärä-s vä-žca ma-rynyk. Miñ jaki-nik väpe-ļej robōta-kšnuma, a son ärcis ava-tñä ma-pta vä-žca ku-ca. Väška-nä miñ tuji-nik robōta-kšnuma, a son kadu-uš kuc. Pa-s soda, mäšt son tä-jñis, buta vñi-j alašaftu-ma nu-rcy jakši-s, da narod tapa-s. Ina-zyrys ästā-nža tä-rdžä šeñgi-s. A son byta peckalarksa toñ molē. Miñ synik kudu-ñ. Vanta-na, son ara-k. Kãũkšni-tana a vatñiñ ge-eta: «kosa son?» Syn mere-t: «ista-ista, so-nža inä-zyr saji-žä». Mo-leñek toñ. Toñ äži-miž nolda, a meñi täñi-k, bu-ta so-nža bocka-sa moñ-s noldē-ž. Voť miñ i tuji-nik väšni-miñža. Merda-na: žyñsta ä-lä ku-lysta musy-nik. Jaki-nik jaki-nik, äž mu-jiñ. Miñc ka-k va-ča juma-kšnyñik vi-rc, paši-la

хозяину. Хозяинъ смотритъ на нихъ и узналъ обоихъ. И началъ ихъ спрашивать. «Вы откуда? Зачѣмъ вы здѣсь ходите?»—«Мы издалека. Мы расскажемъ, зачѣмъ мы здѣсь ходимъ и кто мы такіе. Мы мужики. Насъ было три брата. Отецъ и мать вѣ женили насъ обоихъ, а третій былъ помоложе и полоумный. Онъ остался холостымъ. И жилъ вмѣстѣ съ нами. Мы ходили работать на сторону, а онъ жилъ вмѣстѣ съ женщинами въ домѣ. Однажды мы пошли работать, а онъ остался дома. Богъ знаетъ, что онъ сдѣлалъ: ѣздилъ будто онъ въ лѣсъ на санихъ безъ лошади и потопталъ народъ. Царь позвалъ его за это къ себѣ. И онъ будто пошелъ туда на печкѣ. Мы пришли домой. Видимъ его нѣтъ. Спрашиваемъ у женщинъ: «гдѣ онъ?». Онѣ говорятъ: «такъ и такъ, его взялъ царь». Мы пошли туда. Туда насъ не пустили, а сказали намъ, будто его пустили въ бочкѣ въ море. Вотъ мы и пошли искать его. Говоримъ, найдемъ его живымъ или мертвымъ. Ходили, ходили, не нашли. И сами мы погибли были въ лѣсу голодными, спасибо вотъ этому доброму человеку. Онъ

va·na te pa·ra loma·niñti. Son miñi·k muji·miz i lifti·miz». — «A vanu·ñliñk bra·tyñk?» — «Esso by avy·liñik van! Čaj mo·da·sta targa·ñliñik da vanu·ñliñik». — «Tyk vot vany·da, te sa·maj mon bratyñk Eme·la». Neť akä·mit ä·synza: «Miñi·k braty·nyk avy·l išta·ma». — «Dy sa·maj mon». — «Avyl!» — «Tyñk bratyñk pñimta·za ulñi·ś koda·myjak?» — «Ulñiś!» — «Ko·dama?» — «Kä·rč ke·cenzä pazyñ dešks». Son sa·jizä, šta·ftyžä käřč ke·denza i ñettežä pazyñ tekššent. Va·ncyž, pra·vdy son. Prašt iki·linza kole·nkala·ñksa i karma·št radu·važ iki·linza ran·gu·ma i ava·ř·ññi. Son saji·ñžä ä·štänza käre·tas i murda·ś ma·ryst mäkij ku·du·ñ i sra·dyšt i karma·št tosa·gulä·jama. Guläjäšt pek, fär·ññi·št loma·tt. Mon ga·k to·sa ulñi·ñ, mättä vñpa·da šimñiñ, usyn la·nga tuñi·št, nu kurgy·zyn äž pe·tnä jak. Syn karma·št äřa·ma vä·čca. Äřa·myst tuś va·dřasta. Son tä·st täjifé od gu·da, — va·dřa ku·dyš, nu avy·l soñće·keñt koñda·ma, alamy·da šedi beřä·ñ. Äřa·št täjš bra·tyñza i tošna·ñet. Karma·št präst ä·jsa provoža·ftuma

наш нашелъ и вывелъ». — «А хотѣли ли бы вы видѣть вашего брата?» — «Еще бы мы не хотѣли его видѣть! Чай, изъ земли бы вытащили да увидали». — «Такъ вотъ смотрите: я этотъ самый братъ вашъ Емея». Тѣ не вѣрятъ ему: «Нашъ братъ не таковъ». — «Да я самый». — «Нѣтъ!» — «У брата вашего была ли такая примѣтка?» — «Была!» — «Какая?» — «На лѣвой рукѣ родинка». Онъ взялъ, открылъ лѣвую руку и показалъ родинку. Видятъ, вправду онъ. Пали предъ нимъ на колѣни и начали радясь вопить и плакать передъ нимъ. Онъ взялъ ихъ къ себѣ въ карету и вернулся съ ними назадъ домой, и отъ радости они начали тамъ гулять. Гуляли много, сзывали людей. И я тамъ былъ, вино и вина пилъ, по моимъ усамъ текло, но въ ротъ не капнуло. Они начали жить вмѣстѣ. Жизнь ихъ пошла хорошо. Онъ выстроилъ имъ новый домъ, — хорошій домъ, но не сходный съ собственнымъ, а немного похуже. Пожили его братья и соскучились. Начали собираться домой. Емея и говоритъ: «Да куда вы

kudu·ŋ. Eme·lā i meā: «Dy koŋ kudu·ŋ mołda·da? Tesk kak ku·dyŋk pek vadra·, mā·ziŋk asa·tnā?» — «Ko·da māžinyk asa·tnā? Čaj zoda·sak, kuca·koža·jkanyk meła·fcamiž. Mołda·na soda·fey·nik i jofta·tana fäst, šty ton žyva·t i āfa·t pek pa·fēfā. — «Ara·da fesk! Mon ano·ldatadyž». A soñc sa·lava kučc koža·jkast mā·lga loma·tt. Net te·sa meła·fyt, a nesēz bolše baba·st. A baba·st ava·rdit, mifdi·st juma·št. Druk sašt fā·st lo·mat Eme·lān belā i kortē·t: «Syrga·da, miñ mālgā·ŋk syñi·k». Net kākšnit: «Kog?» — «Ada·dy koŋ uksta·dyž». Net nesē·ž, šty loma·tnā ina·zyryñ belā, karma·št lajšinā. Nu, syrga·ms syrga·št. Net saji·ž i tu·št mary·st. Mołēt mołēt kua·t li kury·k li. Kury·k jo·ŋksēs jofne·vā, da avy·l ku·ryk tāvi·s tāji·vā. Vāži valēkista Eme·lān bra·tynza štāšt i kortē·t: «Ada·, brat, to·na·nyk χyt strafni·syñik». Añcik lišēt, vany·t sādga·nt kit biā syt. Karma·št učuma. Net sašt mala·ŋ. Vany·t i sālñi·st tu·rtu akā·mit. Sašt synet kavyñi·st baba·st. Syñc syt, syñc a·vardit.

пойдете домой? И здѣсь у васъ хорошій домъ, чего вамъ недостаетъ?» — «Какъ чего намъ недостаетъ? Чай, ты знаешь, дома тоскуютъ по насъ жены. Пойдемъ навѣстимъ ихъ и скажемъ имъ, что ты живъ и живешь очень хорошо». — «Живите здѣсь! Я васъ не пущу». А самъ онъ тайно послалъ людей за ихъ женами. Они здѣсь грустятъ, не увидятъ больше своихъ бабъ. А бабы ихъ плачутъ, — погибли ихъ мужья. Вдругъ приходятъ къ нимъ люди со стороны Емели и говорятъ: «Собирайтесь, мы пришли за вами». Эти спрашиваютъ: «Куда?» — «Ступайте, куда мы васъ повеземъ». Эти увидѣли, что тѣ люди отъ царя, и стали вопить. Но собратъся собрались. Эти взяли ихъ, и пошли съ ними. Шли долго ли скоро ли. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Въ одно утро братья Емели встали и говорятъ: «Иди, братъ, хоть тоску нашу разсѣмъ». Только лишь вышли, видятъ по лѣсу кто-то идетъ. Начали ждать. Эти подошли ближе. Видятъ и не вѣрятъ своимъ глазамъ. Приняли обѣ ихъ жены. Сами идутъ, сами плачутъ. Повстрѣчали ихъ мужья, мужья обо-

Ka·rčuvastyž mīrdī·st, mīrčūā radu·vašt, a baba·st tanda·čt, duūi·t synct kak Eme·la la·ca vāši mīrdīni·k bočka·sa mo·ra·s jo·vra·syž. Nu mīrčūā karma·št lači·mīst. «Māšt lajši·tada? Mīn tesa· karma·tana ā·ma. Bratynyk kak tesa ā·ā. Son tesa· iūa··zyrks». I karma·št ā·ma vā·čca. Ā·āšt ā·āšt, Eme·lān bačka·za syri·č i čārdī·fčižā ā·ā·nza. I ara·fityžā tarka·zynza. «Nu, čora·m, ā·ak moū ta·rkasa, ki·t naro·dēnt ā·sa», a naro·dēnti pri·kaza·s: «Vot māšt, kulcy·nyda soda·mym ā·sa i·šta, koda moū ā·sa kulcy·nydā». I soūc māj·lā. kury·ksta kuly·s, a Eme·la kadu·s tarka·zynza iūa·zyrks, a braty·nza kadu·sēt ā·ma tosk i ki·rdī·t ka·vniist vā·čca še ma·styryūt ā·sa i vāši nej ā·i·t pek u·ca·s·kapsta.

Юкс.

Ā·āšt ašt ata·t baba·t. Ājdi·st kakšy·st ara·si·t. A·a·s tuš soka·ma, baba·s karma·s če·ksē·n la·znyma, kā·fi·žā pečka·nza,

довались, а ихъ бабы испугались, думаютъ, что и ихъ, какъ Емелю, съ мужьями бросятъ всѣхъ въ бочкѣ въ море. Ну, мужья стали ихъ утѣшать. «Отчего вы вопите? Мы будемъ здѣсь жить. И нашъ братъ здѣсь живетъ. Онъ здѣсь царемъ». И начали жить вмѣстѣ. Жили жили, Емелинъ тестъ состарился и позвалъ его (Емелю) къ себѣ. И поставилъ его на свое мѣсто. «Ну, сынъ мой, живи на моемъ мѣстѣ, держи народъ»; а народу онъ приказалъ: «Вотъ что, слушайте моего зятя такъ, какъ вы слушали меня». И самъ онъ вскорѣ померъ, а Емеля остался царемъ на его мѣсто, а братья его остались жить тамъ, и вдвоемъ держать вмѣстѣ ту землю, и всѣ живутъ теперь очень счастливо.

Сказка.

Жили были старикъ и старуха. Дѣтей у нихъ не было. Старикъ пошелъ пахать, старуха начала колоть лучину, обрѣзала себѣ

puty·žā pečurkas, karma·ś pačalksīn pīci·mā. Vā·žkā pačalkā
pīdī·ś atā·nti, ombō·cā pīdī·ś baba·nti. Pēlka·ś kortā· pečurka·sa
«a moñā·n, ava·j, mājā· pīdā·t?» Baba·ś karma·ś vā·šniimā: «Ki
šājā· ava·j moñā·n, uli·za moñ son cōra·m». Tagy· karma·ś pa
ča·lksīn pīcimā, teñ atānti, a teñ baba·nti. Taga· pēlka·ś šir
gi·c: «Ava·j, moñdā·n mājā?» Potō·m baba·ś muji·žā kāra·f pēl
ka·nza. So·n pečurka·sa aščā· cō·rēneks. «Ava·j», mērc baba·nti
«vod mon ulā·n tyŋk cōra·ŋk. Vot nej moła·n, pača·lksit kanda·n
tātā·niñ soka·ma tarka·s». Baba·ś vačka·ś si·siñ pača·lksit, po
me·šekkes, kučy·žā kandy·ma atā·nti pača·lksīn so·kama ta·rkas.
Kandyžā pača·lksitniñ atānti so·kama ta·rkas. Atā·ś i mērc
«Ko·sta toñ Vērepa·zys moñdā·n kučyžit?» — «Kuči·miñ moñ
ava·m, toñ koža·jkat: kāri·žā pokš pē·lkanza, puty·žā pečurkas,
i mon taji·viñ cō·rēneks. Son i mērc moñdā·n: azā, cōram, pača·l
sīn ga·ndyma toñā·t tātāniñ». Jutā· ki·javañt bo·jar. Cōrē·ni

большой палецъ, положила его въ печурку, начала печь блины.
Одинъ блинъ испекла старику, другой испекла старухѣ. Палецъ
говорить въ печуркѣ: — «а мнѣ, матушка, что испечешь?» Старуха
стала искать: «Кто кричитъ мнѣ матушка, да будетъ онъ моимъ
сыномъ». Опять начала печь блины—этотъ старику, а этотъ ста
рухѣ. Опять палецъ крикнулъ: «Матушка, мнѣ что?» Потомъ ста
руха нашла отрѣзанный свой палецъ. Онъ сидитъ въ печуркѣ
какъ мальчикъ. «Матушка», говоритъ онъ въ печуркѣ: «вотъ
буду вашимъ сыномъ. Вотъ теперь я пойду, отнесу блины ба
тюшкѣ на мѣсто пашни». Старуха положила семь блиновъ, по
ложила ихъ въ мѣшокъ, послала его отнести старику блины на
мѣсто пашни. Принесъ онъ блины старику на мѣсто пашни. Стари
къ и говоритъ: «Откуда тебя Всевышній ко мнѣ прислалъ?»
«Меня прислала мать моя, твоя жена: она обрѣзала свой большой
палецъ, положила его въ печурку, и я сдѣлался мальчикомъ. Она
и сказала мнѣ: ступай сынъ мой, отнеси блины тебѣ, моему ба
тюшкѣ». По дорогѣ проходилъ баринъ. Мальчикъ сказалъ: «Я

meč: «Boja-rynt mon dra-zniä; boja-rys nejemeň; moň mijimak bojarynti». Atäs miji-zä boja-rynti. Boja-rys maksé nílä valkst jarma-k atänti. Atä-s maksyža pe-Ika čoreneňt bojary-nti. Boja-rys saji-zä jarma-k sundyky-zynža, pe-kstëžä čore-neňt. Sundykynt čore-neš ašči-s ža-re tosta-mu-s buranä. Sundykynt pele-žä i vařavanť jarmaky-nža boja-rynt kajši-nžä i soňé lišc vařa-vaňt. Jarma-kynža boja-rynt purny-nžä i tatancyj kandy-nžä čore-neš, i karma-št äfa-ma i ašči-mä, i nejga-k äri-t i ärci-t i äri-t i ärci-t.

Записано отъ крестьянина 30 лѣтъ.

Jouks.

Sediki-lä Tro-šënkaň ro-cta ulñi-s vä-žki čo-ra. Tata-nža vaza kuly-št, a son ka-dušs kävä-tijä go-ca. Äri-s ška-mynža i jarma-kynža uli-t i šury-za ulä i väši pary-čiza ulä, muški-čaza čovčaza ara-s. Ää-s ištu-son kolmy gott i duma-s urva-kuma, da ta-gy pelä-, gu-Ikaza pek pokš; du-mä: «koda-k u-ř-akstan fyjä-tca i ku-lä». Mela-ftä. Vä škaňä tuš vñrij, käfä-s jark i syrga-s mäki-j kudu-ř. A ala-šyñiza ulñi-s beřän, be-řän i-čenä. Son i du-mä: «Mäšt, varča-sa te e-Ideňt. Son pek beřän,

прозвалъ барина; баринъ меня видѣлъ; продай меня барину». Старикъ продалъ его барину. Баринъ далъ старику четыре рубля денегъ. Старикъ отдалъ мальчика-пальчика барину. Баринъ взялъ, въ свой денежный сундукъ заперъ мальчика. Мальчикъ немного сидѣлъ въ сундукѣ, нашелъ буравчикъ. Онъ пробуравилъ сундукъ и въ дыру побросалъ деньги барина, и самъ вышелъ въ дыру. Мальчикъ собралъ деньги барина и принесъ ихъ отцу своему, и стали жить и поживать, и теперь также живутъ и поживаютъ.

nu ala·ša. Bidi son čida·rdä, to para avaja·k čida·rdä, a bidi son
 aci·dardä, šesta avaja·k aci·dardä. Kušć pe·řetkalařks i karma·š
 joksta·ma. Koda·k jo·kstěžä, ala·šaš praš iki·lčä pilgilařks, a
 sonža· uš šadi·jza až ěiřt i karma·š neřge·mä. Neřks, neřks, valks.
 Vanä·, ala·šaza ku·lys, i dumä·: «nu, au·řvakstan». Saš kudu·y i
 kiiniņa·k až jo·fñä i karma·š äřa·my ška·mynža. Äřä· god, kařty,
 kolma, au·řvakstä; käükšni·t, mäks, a jo·ftä. Vä škanä molč
 syřipatä·nety. Syřipa·taza kavanizä, šindī·žä vi·nada; ala·myñ
 a·lamyñ šindī·žä pek. Son iři·č. Te i karma·š äsynža käükšni·mä:
 «Mä·ks ton au·řvakstat, Dři·ga, koda iřta· škamy·t äřa·t? Paryt
 ulä, a kudyju·rcet avalomañ ara·š. Uřva·kst, řävi·t lučšy ulä». —
 «Mon uřva·kstuñlín, patä·j, da monďä·ñ nelža urva·kstums». —
 «Da mäks, jala·kskiñ?» — «I·šťak». — «Nař, avy·ř iřćak; mäks
 kak, da uš ulä». — «I·šťak». — Patä·š fatä·š, mäks son ajořt,
 karma·š taga· vina·da šindä·mynža. Šindī·žä pek i tagy kar
 maš käükšniñinža. «Da mäks ton, jala·kskiñ, ajo·ftat? Čaj mon řäř
 avyř čužy·jan; kiiniņa·k ajo·ftan řřa, a možy mäžija·k řäř pary
 řä·jan; možy gulka·t ama·řtuvä mäks ka·k?» — «To·ta, patäř
 ama·řtuvä». — «Da mäks ama·řtuvä? mä·žiza ama·řtuvä? Jo·ftä.
 leća·syñik mo·ža». — «Dy ko·da leća·syñik, patäř, jo·ftams řäř
 vi·cta, lakši·syñik řťola?» — «Da mäks äřa·vä lakši·ms?» — «Dy
 vot mäks: pek pokš». — «Vot eřćo ři·vař, toňďä·ř pokš, a ava·řtiñiñ
 pek pa·ra». — «To·ta, avyř řa·ra». — «Dy ton varčñik řťola?» —
 «Varčñi·ms äži·nä varčñä·, dy soda·ms soda·sa». — «Mäžijak ton
 azda·t! Ton va·řćika; požalěj, eřće me·řet — viřki·nä». — «Äřä·ř,
 patäř·j; jořta·ms řäř victa, mon varčñi·nä». — «Nu mäjlä mä·řť, řäř
 varčñiř». — «Dy mäřť, mäřť, dy kiñ varčñi·ñ?» — «Dy mäks
 ajo·ftat, jořta·k; moža loma·niř ulñi·š beřäñ». — «Dy uš kyda joř
 ta·ms řäř pravda·sta, ton soděřek kařej e·řdeñem?» — «Sodě·řek
 mäži mä·řľä?» — «Dy vot mä·ži; ulñi·ñ mon ři·řca i dumñiñ; ala·
 šaš řidä ulñiř beřä·ñ; mon i duma·n: bidi ře e·řdeñeř aku·lä, to
 para ava· čida·rdä, a bidi ře aci·dardä, še·sta kodamyja·k a·n
 aci·dardä». — «A mä·řľä?» — «Dy mäřľä vot mäřť: kuži·ñ lang
 zy·nža, to·řgeñä, son prař; äřa·vyř řäñ valgu·ms, a mon ä·řäř

valk; néřge-ń, néřge-ń, ala-šam ku-lyś. Vot mon máks i au-řvak-
stano. — «Eka, za-ryška glupy-štiś äsyt. Nu vot, mon mášt tăt
meřan: ton saji-k i ořkstě-k lăřgi-ńisa kualmynza kolmókšt i
mă-jlă še lăřgi-ńińt ma-řta aza- karava-c i vant kona-ń uda-l-
ksyza šedi kă-lj. Šeń uda-lksynza i ořkstěk pukšyla-řga mo-
kló-ška vic. Kona-ńiń lăřgi-ńit kadu-vă, šeń ila-k saj, a ko-nańiń
lăřgi-ńit asa-tă, šeńe-ń i gulkat ka-k asa-tă». — Čora-ś o-řkstěžă
i tuś karava-dga jaka-ma. Ořksńe-ś, ořksńe-ś, jala lăřgi-ńiza
li-šnyj; molé vă-řki tă-řtif vaksc, karma-ś šutka-sa ořksńeńenza
lăřgi-ńiza až sa-tytt. Saś i jofińă syřipafa-netyj: «Muji-ń, syři-
pafăj; lăřgińiń kak až za-tytt peřva-ksyška; nu tolko pek šupa-
vyń; son amo-lă mońd-ăń». — «Wot, amo-lă—molă». — «Moža
i mole-veř da ama-kscyž». — «Maksey-ž, ila- mela-ft; mońc mo-
la-n čija-ma i čija-sa». Molé čija-mynza. Vaśńă- äšt makst i
maluga-k äšt no-lđa. Lu-dńižă la-dńižă, ma-ksyž, či-již. Mă-jlă
tă-jšt sva-dba i karma-št äřa-ma. Äřit ne-dřa, äři-t kařta, äři-t i
peřgo-d. No Dřiga- atokšă ä-synza. Te uči-ś, uči-ś, dy i kortă
vă ška-ńă Dři-gańiń: «Dřiga, dy ton máks saji-mik?» — «Máks?
Dy ved mă-ks? Ko-da mă-ks? Wot muška-t čova-t, panar tăn stat,
kši pańa-t, nuji-mă maryl molă-t, piřeu-ma karma-t. A máži tăt
ešo äřa-vă?» — «Ko-da mă-žă? Ara-žďă ton azda-sak măžă? Čaj
soda-sak măžńiń uřva-kšńit loma-tńă. Äři-t, avyř ančik ja-la robó-
tė-t. Robó-taž tăt äřt ana-žuvăřt, a syři-dima ma-štyma peřej ki
karmă măřga-t jaka-ma, ki tăt šińi-ms maksă-, ki kudyt ušcy-,
ki ođbiřksta práť ča-řsisy? Dy kula-t čavy kuc, kalma-ms aki-ńiń
uřă-, varča-myt kak kijak asy-. Kak řočeś, Dřiga, mon iřta- äřa-
ma aka-rman. Bídĭ řočeś parėti äřa-ma, äřa-k, a bídĭ aka-rmat,
to mon tuja-n ästyt». — «Eř, baba-, mon äřařliń». — «Dy máks
e-na? Nať, toń ama-řtuvă?» — «To-ta ama-řtuvă». — «Da máks
ama-řtuvă?» — «Dy wot máks. Ton pomńa-sak mĩńiń karej e-lde-
neńt?» — «Dy mońďă-ń mă-ži e-ldeńet?» — «Dy ton kulcy-nyk!
Son ulńi-ś veř s norovom. Nu, mon vačkĩń lařgyzy-řza ka-tfa voz
i san kudu-ř. Son to lotkă-, to nocko-ftă. Nockofńeś, nockofńeś
iřta-, šerďeřkam ši-ńdĭžă. Mášt tă-jńims tăn? Čaryń, čary-ń, jok-

sta.ms anä-zä. Sa-jinä, dy ču-ramym jokstè-nä. Karmin ala-šän
pa-ninä. Son to nocko-ftä, to lotkä. Moñdä-n pek marä-s. Kežen
zašt; koda-k zadlaŋga äškiñä ku-laksa son prokle-tén, kodak pštie
dy victa moñ gulkaprälä-ŋga. Istä-k i čapanť vídga práñť še-žežä.
Vot nej mášť xočyš, neñ i tājñi-k. — «Dy moža práftu-majak
tājis tujä! Dava-j varča-syñik». — «Nuža-za mähzä? dava-j var-
ča-syñik». — I karma-št varčñi-minza. Varčiz vāšť, kaŋkšt i ko-l-
mókšt. Ava-ñť mele tuš, a čóra-ñť i vouši. Mä-jlä tävi-s kyda tuš
parčtā, ava-s i mefä: «Dřiga? Přäs čaj ulñis surkaftyñ kuva-l-
myza?» — «E-na mähzä? Ulñi-s». — «Eχ, modava-řañť pačk tuji-za,
nej ulivikdä-fä kafty kolmasurda kua-ka lučšy. Paryčiš kak vāš
juma-vyl i to nekak lučšy. A to nej krajga-jo-zä i tovō-lga jozä,
a prok mähzi biđi eščo tovō-loŋ asa-tä». Še-sta Dřiga-karma-š
kähni-mä syři patancty, a babaza kuluma-zynza ärdi-kšñis še ka-
ře-j e-ldeñeñť.
